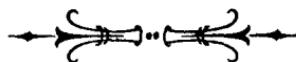

С.-Петербургской Духовной Академіи
Професоръ А. А. БРОНЗОВЪ.

ДРУГЪ ИЛИ ВРАГЪ ХРИСТОВЪ— ТОЛСТОЙ?

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. МЕРКУШЕВА, Невскій, 8.
1912.

Другъ или врагъ Христовъ—Толстой?

ВОПРОСЪ имѣеть въ виду яснополянского графа, такъ много нашумѣвшаго при жизни и даже по смерти...

Я всегда слѣдилъ за каждымъ, появлявшимся въ свѣтъ, его сочиненіемъ. Нерѣдко и откликался на его новые взгляды, на его своеобразное ученіе. Написалъ нѣсколько статей, между прочимъ, и по поводу годовщины, исполнившейся по смерти графа. Эти статьи вызвали въ почитателяхъ Толстого взрывъ негодованія и самой откровенной злобы къ автору. Какихъ только писемъ я не получилъ отъ толстофиловъ? Оставляя въ сторонѣ обычный неумный вздоръ этихъ моихъ корреспондентовъ, я невольно обратилъ свое вниманіе на одинъ тезисъ, всѣми ими проповѣдуемый и отстаиваемый съ рѣдкою энергию, съ удивительной настойчивостью. Игнорировать этотъ тезисъ не желалъ бы, тѣмъ болѣе, что гг. корреспонденты требуютъ, буквально—*требуютъ*, чтобы я или согласился съ ними, при томъ, во-всеуслышаніе, гласно..., или доказалъ бы ихъ неправоту, пользуясь *исключительно лишь собственными произведеніями Толстого* и не прибѣгая къ чимъ бы то ни было изслѣдованіямъ о немъ, хотя бы и самымъ авторитетнымъ.

Охотно исполняю ихъ требованіе, какъ готовъ откликнуться и на всякое другое подобное же..., еслибы вздумали съ нимъ обратиться ко мнѣ мои достопочтенные читатели.

Тезисъ почитателей Толстого, вызвавшій появленіе настоящихъ строкъ, можетъ быть кратко выраженъ такъ:

Графъ Л. Толстой—другъ Христа, истинный христіанинъ, а не антихристъ какой-либо, не врагъ Господа нашего... и, следовательно, ни-мало не заслуживалъ отлученія

отъ православной христіанской Церкви, какое ему пришлось испытать и какое произвело неизреченный, молъ, соблазнъ во вспыхъ русскихъ, да и не въ нихъ только однихъ... Его слѣдовало и похоронить-де по-христіански...

Спрашивается: состоятеленъ ли этотъ тезисъ, или нѣть?

Отвѣчаю, ни мало не колеблясь: *совершенно не-состоятеленъ, всецѣло ошибоченъ...* Такой свой отвѣтъ подкрѣплю ссылкой на сочиненія самого графа и *только* на нихъ...

Всякое общество, какого бы рода оно ни было, можетъ существовать только при томъ условіи, если члены, его составляющіе, будутъ выполнять его уставъ, останутся вѣрными тѣмъ принципамъ, какіе даютъ обществу смыслъ, опредѣляютъ отличительный его характеръ... Иначе общество распадется. Если каждый станетъ поступать по своему личному усмотрѣнію и произволу, не считаясь съ устоями общества, съ его основами, то получится совершенная анархія,—о какомъ-либо порядкѣ думать не придется,—о какой-либо цѣльной организації, о какой-либо согласной дѣятельности отдѣльныхъ членовъ и пр. говорить будетъ безусловно нельзя. Всякій членъ, попирающій и отвергающій уставы общества, уже чрезъ то самое заявляетъ дѣломъ, поведеніемъ своимъ, что болѣе не состоитъ частью данной организації, вышелъ изъ нея... И если прочие члены, остающіеся вѣрными принципамъ общества, гласно скажутъ, что онъ—болѣе не принадлежитъ къ послѣднему, то они ничего новаго, ничего особеннаго въ сущности не выразятъ, а лишь только констатируютъ то, что уже произошло и, при томъ, исключительно по доброй волѣ даннаго лица.

Православная Христова «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ Православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священномачальемъ и Таинствами» (см. «Пространный Христіанскій Катехизисъ Православной Каѳолической Церкви»..., «одобренный Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ»...; начало главы «о девятомъ членѣ» символа вѣры).

Всѣ, кто—вѣренъ ея уставамъ,—и являются членами Церкви. Всѣ, кто этихъ уставовъ не признаетъ, уже сами eo ipso считаютъ себя не принадлежащими къ тѣлу Церкви, къ этому «обществу»,—какъ люди самочинные, съ ученіемъ церковнымъ не считающіеся. Въ выдающихся случаяхъ Церковь и констатируетъ это обстоятельство, въ другихъ терпѣливо и милостиво

снисходя къ заблуждающимся и ожидая ихъ покаянія, обращенія... Именно—когда это упорное заблужденіе является безнадежнымъ и—мало того—слишкомъ опаснымъ для другихъ лицъ, еще остающихся членами Церкви и соблазняющіхся безчиніемъ отступниковъ,—въ этихъ случаяхъ, разумѣется, Церковь и не можетъ поступить иначе, какъ немедленно же оповѣстить о заблуждающемся всѣхъ ея вѣрныхъ членовъ,—не можетъ..., такъ какъ въ противномъ случаѣ она не стояла бы на высотѣ своего положенія, не думала бы о своей пользѣ...

Во что же Церковь вѣруетъ и во что, слѣдовательно, долженъ вѣровать и каждый ея членъ, не желающій съ нею покрывать?

Отвѣтъ данъ въ «символѣ вѣры», извѣстномъ подъ именемъ «никео-цареградскаго».

Въ частности, 1) каждый изъ нихъ долженъ вѣровать въ Бога—«единаго» по существу и Троичнаго въ Лицахъ,—2) въ Бога—«Творца» міра вообще и человѣка въ частности,—3) въ «Сына Божія»—2-е Лицо Пресвятой Троицы, «воплотившагося», «страдавшаго» за грѣшное человѣчество, вкушившаго крестную смерть, «воскресшаго», вознесшагося «на небеса», «сѣдящаго» тамъ «одесную Отца» и имѣющаго прийти на землю для «суда» надъ «живыми» и «мертвыми»,—4) въ «Духа Святаго»—3-е Лицо Пресвятой Троицы—«глаголавшаго» чрезъ пророковъ...,—5) во «Святую Церковь» и ея ученіе,—6) во святыя таинства,—7) въ «воскресеніе мертвыхъ» и въ «жизнь» вѣчную.

Теперь и посмотримъ: какъ и во что вѣровалъ Л. Толстой? Вѣровалъ ли онъ въ то, во что вѣровать требуется отъ всякаго члена Христовой Церкви, или нѣтъ?

Не вѣровалъ.

Въ своемъ «*Письмѣ къ NN*» (Genève, 1890; 2-е издан. M. Elpidine) яснополянскій графъ горделиво и откровенно заявляетъ, что «Никейскій соборъ надѣлалъ столько зла»... (стр. 4), разумѣется, своимъ символомъ вѣры... Отсюда уже заранѣе ясно, какъ Толстой отнесется къ вышенамѣченнымъ главнымъ пунктамъ этого символа. Ясно, что отношеніе его можетъ быть только одно: отрицательное, хулительное... «Признанныя всѣми основы» христіанской «религіи, установленыя никейскимъ символомъ»,—цинично говорить этотъ прославленный хулитель,—«такъ нелѣпы и безнравственны, дове-

дены до такого противорѣчія здравому человѣческому чувству и разуму, что люди не могутъ» будто бы «вѣрить въ нихъ». «Люди», моль, «устами могутъ повторять извѣстныя слова, но не могутъ вѣрить въ то, что не имѣеть»-де «смысла»... (чит. Толстого: *«Что такое религія и въ чёмъ ея сущность?»* Изд. «Свободного Слова», № 75. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England, 1902. Стран. 19—20). Не видно ли отсюда уже, какимъ членомъ Церкви является яспополянскій мудрецъ, съ такою «сыновнею» (!!) любовью и съ такою «почтительностью» (!) и «крутистю» (!) относящейся къ «никейскому символу»?.. Да,—это всѣмъ достаточно видно, кромѣ развѣ слѣпыхъ его—графа — почитателей, которые, не имѣя понятія ни о дѣйствительномъ графскомъ ученіи, ни тѣмъ болѣе обѣ ученіи Церкви, съ развязностю утверждаютъ, что Толстой—истинный-де христіанинъ и «отлученія» отъ Церкви не заслуживалъ. И мы-де такие же христіане,—съ откровенностью заявляютъ они..., съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ, не мѣшай въ то же время имъ быть и такими же, какъ Толстой, филологами, разсуждающими «обѣ употребленіи ut въ условныхъ» (?) «предложеніяхъ» (Толстого: *Крейцерова соната съ Послѣсловіемъ*). По исправленной рукописи изд. М. К. Эллидина; Genève, 1890; стр. 19) и изучающими христіанскую догматику при помощи руководствъ по «литургикамъ и гомилетикамъ» (см. графскую *«Критику Догматического Богословія»*), представляющимъ графу чѣмъ-то въ родѣ «жупеловъ»... «Вѣра, которую исповѣдуетъ наша іерархія», говорить Толстой, «есть не только ложь, но и безнравственный обманъ. Въ православномъ вѣроученіи» будто бы имѣются, по графскому заявлению, «самыя непонятныя, кощунственные и безнравственные положенія, не только не допускаемыя разумомъ, но совершенно непостижимыя и противныя нравственности» (Толстого: *«Изложение Евангелія съ примѣчаніями»*... Издан. «Свободного Слова», № 61. A. Tchertkoff; Christchurch, Hants, England. 1901. Стр. 105). Хорошъ, однако, христіанинъ! Впрочемъ, всѣ его эти и другія заявленія обычно остаются лишь простою клеветою, какъ ничѣмъ не подтверждаемыя и не доказывааемыя, такъ какъ едва ли для кого окажется достаточнымъ однихъ голыхъ графскихъ ругательствъ и едва ли кто не потребуетъ въ данномъ случаѣ чего-либо болѣе убѣдительнаго? А этого-то послѣдняго Толстой и не собирается давать... ни здѣсь, ни послѣ.

Послѣ этой общей характеристики взглядовъ Толстого на вѣру Церкви, на ея значимость и цѣнность... въ его—графическихъ—глазахъ перейдемъ къ частностямъ.

1) По вопросу о Богѣ Толстой всецѣло расходится съ христіанскимъ міровоззрѣніемъ.

Троичности «Лицъ» въ Богѣ онъ уже по тому не можетъ признать, что считаетъ Бога Существоомъ безличнымъ: «я даже знаю» (откуда?) «навѣрное»,—говорить графъ,—«что Онъ»—Богъ—«не личенъ» (Толстого: «Мысли о Богѣ». Изд. «Своб. Слова»; № 40. A. Tchertkoff. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900; стр. 13). Эту мысль графъ ясно и приковенно, прямо и косвенно проводить во многихъ мѣстахъ своихъ печальныхъ произведеній «религіозно-философскихъ» (называемыхъ такъ обычно лишь по одному, впрочемъ, недоразумѣнію) (сравн., напр., ibid., стр. 27. Чит. Толстого: «Понятіе о Богѣ нѣсколькихъ лицъ, одинаково понимающихъ учение Христа»; Genève,—M. Elpidine... 1889. Чит. также цитов. выше «Излож. Ев.», стр. 1 и мног. друг.). Пантегистическое міровоззрѣніе Толстого вообще общеизвѣстно и никѣмъ не отрицается, да и не можетъ, конечно, отрицаться,—но цѣна ему (въ глазахъ теистовъ)—меньше ломанаго гропша...

Естественно, посему, что Толстой не только самъ не признаетъ «Троичности»..., но, судя о другихъ по себѣ, увѣренъ, что не признаютъ ея будто-бы и прочіе. Такъ, въ своемъ «Обращеніи къ духовенству» (изд. «Своб. Слова», № 81. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903) Толстой утверждаетъ: «вы вѣрите, что надо говорить, что вы вѣрите въ это», т. е., что «Богъ есть Троица», «но не вѣрите, что было то, что вы говорите. Не вѣрите вы, потому что утвержденіе, что Богъ одинъ и три..., не имѣеть для васъ никакого смысла. Можно», молъ, «произносить слова, не имѣющія смысла, но нельзя вѣрить въ то, что не имѣеть смысла»... «Нельзя вѣрить въ то, что Богъ въ одно и тоже время—и одинъ, и три»... (стр. 40). Къ этимъ положеніемъ графъ возвращается не-разъ (ib., стр. 43...). Догматъ о «Троичности» Лицъ Божества его въ высшей степени смущаетъ. Ученіе Церкви объ этомъ, по его словамъ, «не можетъ вмѣститься въ здоровую голову» (чит. Толстого «Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій»; изд. М. К. Элпидина; т. I; Genève, 1892; стр. 6—7). «Богъ 1 и 3..., чего я», говорить Толстой, «не могу принять, пока я не сошелъ съ ума» («Полное Собрание сочинений графа

Толстого, вышедшихъ за границей». Изд. Е. В. Герцика; СПБ. 1906 г.; т. I. «Исповѣдь». «Вступленіе къ критикѣ догматического богословія и изслѣдованію христіанскаго ученія»; стр. 29—30). «Въ головѣ, въ которую вбитъ клинъ Троицы»...—говорить графъ,—«не можетъ уже удержаться никакое разумное.... жизнепониманіе» («Обраш. къ духов.», стр. 32; ср. стр. 36). «Что можетъ быть безсмыслицѣ того»,—спрашиваетъ Толстой,—«что Богъ одинъ и три, и не три бога, какъ Брама, Вишну и Шива, а одинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ три» («Что такое религ.», стр. 19.)? Это-де «не представляетъ никакого смысла»... (стр. 20)...

Взглядъ Толстого на данный пунктъ христіанского ученія, такимъ образомъ, вполнѣ ясенъ, и сомнѣній на его счетъ здѣсь не остается рѣшительно никакихъ. Не способный возвыситься до христіанского ученія,—безусловно отождествившій непонятую имъ, притомъ, «Догматику» митроп. Макарія съ христіанскою догматикою самою по себѣ,—искавшій выясненія догматическихъ вопросовъ въ «Литургикахъ» и «Гомилетикахъ» и чуть ли не въ латинской Грамматикѣ... и потому естественно сбившійся съ толку графъ имѣль еще дерзость,—какъ мы видѣли выше,—приписывать другимъ, напр., «духовенству», то, въ чемъ послѣднее безусловно не повинно никакъ, и что составляло собственность только большой графской головы и другихъ, ей подобныхъ! Этимъ графъ грѣшилъ вообще не мало. Не отстаютъ отъ него и его неразумные послѣдователи... Но, впрочемъ, наша рѣчь здѣсь не о томъ. Наша задача имѣть въ виду лишь констатировать дѣйствительные взгляды Толстого по существеннѣйшимъ христіанскимъ вопросамъ, чтобы затѣмъ мы могли документально отвѣтить на вопросъ, поставленный въ надписаніи нашей статьи... ¹⁾)

¹⁾ А если кто интересуется подробнымъ раскрытиемъ и обоснованiemъ христіанскихъ догматовъ (: о Богѣ единомъ по существу и Троичномъ въ Лицахъ, о Лицѣ Иисуса Христа, о Св. Духѣ,—о Церкви и таинствахъ,—о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни,—о Богѣ—Творцѣ, Промыслителѣ, Судїи и Мздовоздаятелѣ и т. д.),—раскрытиемъ и обоснованiemъ,—повторяю, не входящимъ въ задачу нашей настоящей статьи,—того можемъ отослать къ капитальнымъ трудамъ: о. Н. П. Малиновскаго («Православное Догматическое Богословіе»: т. I, изд. 2-е, Серг. Пос. 1910 г.: «Введение. Ученіе о Богѣ единомъ въ существѣ и троичномъ въ Лицахъ». Т. 2-й, Ставроп. губерн. 1903 г.: „Ученіе о Богѣ—Творцу и Промыслителю мира. Предустроеніе Богомъ человѣческаго спасенія”. Т. 3-й, Серг.

2) Библейское учение о Боге, какъ «Творецъ» міра и человѣка, Толстой, въ свою очередь, отвергаетъ, какъ не вяжущееся съ его нелѣпымъ пантеистическимъ міропониманіемъ.

И здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ не ограничивается обычно однимъ отрицаніемъ откровенной точки зреинія, но еще пытается глумиться надъ иначе мыслящими и приписывать имъ свои собственные выдумки, ими ни-мало не раздѣляемыя...

По адресу духовенства (см. *Толстого «Обращ. къ духов.»*) графъ,— послѣ глумлений надъ «священій исторіей», надъ ея будто бы «ставшими въ противорѣчіе съ знаніемъ и пониманіемъ людей безнравственными» (?) «рассказами», надъ «архан-ческими» (?) «положеніями никейскаго символа»... (стр. 45),— заявляетъ съ обычной для него категоричностью: «ни одинъ»—де «свѣжий... образованный человѣкъ, не воспитанный въ дѣтствѣ въ вашей вѣрѣ, не только не повѣрить вамъ, но или за-смѣется, или приметъ васъ за душевно-больного» (вотъ даже до чего зарапортовался яснополянскій циникъ—ругатель!), «услышавъ ваши разсказы о началѣ міра»... (стр. 46)... Не наоборотъ ли, графъ? Не Васъ ли всякий здраво судящій человѣкъ скорѣе всего приметъ за сумасшедшаго, услушавъ, какъ Вы, не желая потрудиться понять откровенное учение о міротвореніи, произносите надъnimъ столь дикій и во-истину безумный приговоръ? Не Васъ-ли, голословно утверждающаго, что будто бы «отецъ или учитель» ребёнка, обращающагося къ старшимъ съ вопросами,—всякий разъ, вопреки своемъ внутреннему убѣжденію («въ глубинѣ души признаетъ не истиннымъ»), «говорить..., что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней»... (*Толстого «Христіанское учение»; изд. Вл. Черткова, № 10. Purleigh, Essex, England. 1898. Стр. 68*)? И кто Васъ такъ тщательно познакомилъ съ убѣжденіями другихъ, измѣряемыми Вами

Пос. 1909 г.: «О Богѣ—Искушителѣ и Освятителѣ. О благодати Божіей. О Церкви Христовой». Т. 4-й, Серг. Пос., 1909 г.: «О таинствахъ Церкви. О послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка»,—о. П. Я. Свѣтлова проф. («Христіанское вѣроучченіе въ апологетическомъ изложеніи»; т. 1, Киевъ, 1910 г.; т. 2,—1911 г.; см. и другіе многочисленныя его труды)... Тотъ и другой авторы указываютъ обильнѣйшую литературу предметовъ и принимаютъ во вниманіе современное состояніе богословской науки,—пишутъ во всеоружіи научныхъ данныхыхъ... Слѣдуетъ читать также о. проф. Т. Н. Буткевича „Жизнь Господа нашего Іисуса Христа“... 2-е изд. Спб. 1887 г.

только на Вашъ собственный фальшивый аршинъ? Разъ Вашъ извращенный умъ не можетъ вмѣстить библейскаго ученія о «с сотвореніемъ изъ ничего міра 6000» (?) «лѣтъ тому назадъ» (и еще вѣры въ «Троицу», о Которой Т. миллионъ разъ говорить кстати и не кстати,—такъ Она его беспокоить!)..., Вы уже и спѣшите со своимъ обычнымъ и всѣмъ надобившимъ заявлениемъ, что этого не можетъ вмѣстить будто бы и никакой другой умъ,—иначе-де для «человѣка требованія разума» будутъ «уже не обязательны», «и такой человѣкъ не можетъ быть увѣреннымъ ни въ какой истинѣ»... (*Толстого «Обращ. къ духов.»*, стр. 31—32). Но почему именно «не можетъ вмѣстить» библейскаго ученія ничай умъ...,—на этотъ вопросъ (и на подобные ему) графъ обычно молчитъ или... пробуетъ отдѣльваться ругательствами, къ какимъ онъ такъ привыкъ и какія, конечно, никого убѣдить не могутъ. Пріемы графа всюду одинаковы... «Не говоря уже о всѣхъ нелѣпостяхъ ветхаго завѣта въ родѣ с сотворенія свѣта прежде солнца, с сотворенія міра 6000 лѣтъ тому назадъ»... (*Толстого «Что такое религія»*..., 18—19),—заявляетъ, напр., онъ, ни-мало не считаясь съ давно уже разъясненою (хотя-бы еще митроп. Филаретомъ и мн. друг.) возможностью «с сотворенія свѣта прежде солнца»...,— затвердивши—механически неправильно списанную имъ цифру «6000» и пр.,—ни мало не пытаясь доказать наличности «нелѣпостей» и предполагая, вѣроятно, что всѣ повѣрять ему на-слово (ну, какъ-же иначѣ?)...

И такъ, что Богъ—«личенъ», что Онъ—«Троиченъ въ Лицахъ», что Онъ—«Творецъ» міра...,—все это не умѣщается въ «разумной» головѣ яснополянского графа. Послѣдній, впрочемъ, не признаетъ и самаго существованія невидимаго міра (не имѣя возможности, даже и при его безпримѣрной связности, отрицать «видимый»)...

Толстой возмущается проповѣдью «массѣ»—«вѣры въ чертей»... (*«Обращ. къ духов.»*, стр. 34), въ «дьявола» (стр. 30)... «Дьяволы и ангелы»,—говорить онъ,—это—«чего я не могу принять, пока я не сошелъ съ ума» (цит. т. I *«Полн. Собр. соч. Т.»*, изд. Герцика, стр. 29—30)... Разъ нѣть ни ангеловъ, ни діавола,—не можетъ быть, посему, ни «пѣнія» первыхъ «съ неба», ни какихъ-либо «разговоровъ» съ послѣднимъ (*«Обращ. къ дух.»*, стр. 30),—не можетъ быть, разумѣется, и какого-либо творенія ни однихъ, ни другого. Иного рода свидѣльства слова Божія, ясныя и непререкаемыя, безконечно

многочисленныя, не укладываются въ головѣ графа, «пока»—де онъ еще «не сошелъ съ ума»... Не замѣчасть онъ здѣсь лишь одного,—что уже давно, видимо, онъ успѣлъ «сойти съ ума», вслѣдствіе чего и сталъ дарить обществу свои безсмысличныя религіозно-философскія бредни—однѣ за другими, выдавая ихъ хвастливо за истину, за открытия... А тѣ, кто ума еще не потеряли и кто, посему, еще могутъ понимать то, что читаютъ, обычно держатся другихъ взглядовъ на вещи при чтенії Библіи...

3) Относительно Іисуса Христа Толстой, со свойственною ему циничною развѣзностью, утверждаетъ, что Господь вовсе не «2-е Лицо», что Онъ не «творилъ міра» и не «сходилъ на землю» и пр. (*Толстого «Христ. уч.*», стр. 68). Въ виду вышеотмѣченныхъ особенностей графскаго міровоззрѣнія, отрицающаго «личнаго» и «Троичнаго» Бога, конечно, все это и понятно, но какъ далеко отъ христіанскаго ученія и, следовательно, отъ истины,—уже—другой, разумѣется, вопросъ...

Господь нашъ, по Толстому, не Богъ, а простой человѣкъ (*ibid.*, стр. 77) (ср. *«Излож. Евангелія»*, стр. 119 и др.), хотя-де «отъ мысли» о божественной Его природѣ и доселе еще «не могутъ отдѣлаться миллиарды людей умныхъ и глупыхъ, ученыхъ и безграмотныхъ»... (*ibid.*, стр. 119).

А такъ какъ воплощеніе Сына Божія и вся земная жизнь Богочеловѣка представляли собою сплошное доказательство противоположной графскимъ утвержденіямъ истины, по крайней мѣрѣ, для людей, еще не потерявшихъ способности разбираться въ видимомъ и слышимомъ..., то русскій антихристъ изъ Ясной Поляны, чтобы отстоять свою, противорѣчившую дѣйствительнымъ фактамъ, точку зрѣнія, раздѣливается съ этими фактами безъ церемоніи, при помощи своихъ антинаучныхъ пріемовъ, безъ разсужденій все отрицающихъ, что хоть сколько-нибудь не отвѣчаетъ сектантскому толстовству.

Отсюда рожденіе Іисуса Христа въ представлениіи графа вовсе не было «совершенно святымъ и чуждымъ грѣха» (см. *«Катихиз.»*—о «3-мъ членѣ»), а явилось самымъ обыкновеннымъ лишь: человѣкъ, считающій для себя «обязательными требованія разума», не можетъ-де думать иначе (*Толстого «Обращ. къ духов.*», стр. 31, 32..., 43). Посему и молиться «Богородицѣ», какъ высшему какому-то будто бы существу, странно: это-де дѣло такого же «страшнаго обмана», какъ и молитва «Богу, Христу, Буддѣ, Магомету»... (*Толст. «Христ.*

чи.», стр. 77)... Этотъ христіанинъ, объ «отлучені» коего отъ православной Церкви, какъ будто бы самомъ несправедливомъ, столь плачутся толстовцы,—поставилъ,—какъ видите,—на одну линію съ Іисусомъ Христомъ и Будду, и Магомета! Хорошъ христіанинъ,—печего сказать!.. Но еще хуже, пожалуй (если только можно придумать что-нибудь худшее толстовскихъ бредней), сами пресловутые плакальщики! Отчего бы имъ кстати не поплакать и по поводу отверженія Богомъ Люцифера?..¹⁾ Вѣрный себѣ хулитель и ругатель и здѣсь не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи поглумиться: «что можетъ быть безмыслиннѣ того, что Богородица—и мать, и дѣва»... (*Толст. «Что такое религія»...*, стр. 19)..., спрашиваетъ Толстой, не желая считаться съ разъясненіями со стороны христіанской Догматики...

Разъ рождество Спасителя, по Толстому, явленіе—самое обыкновенное,—понятно, отсюда, что графъ съ усмѣшкой (за неимѣніемъ другихъ доказательствъ) относится и ко всѣмъ чудеснымъ, сопровождавшимъ этотъ безпримѣрный въ исторіи міра фактъ, обстоятельствамъ: «хожденіе звѣзды, пѣніе съ неба»... имъ отвергаются безъ всякихъ разговоровъ, при чёмъ прославленный лжецъ на христіанство—графъ этотъ не прочь сочинить, что будто бы Церковь приижаетъ христіанское «нравственное ученіе», «нагорную проповѣдь»... предъ «согласованіемъ Евангелія съ исторіей ветхаго завѣта» и т. д. (*Толстого «Обращ. къ духов.*», стр. 30)... Толстой упрекаетъ здѣсь Церковь въ распространеніи будто бы «сказокъ» (стр. 30—31), но не замѣчаетъ, что о сказкахъ говорить можно лишь въ приложеніи къ его рѣчамъ—ни мало не обоснованномъ плодѣ его барской фантазіи, фантазіи празднаго человѣка,—а

¹⁾ Трудно себѣ и представить, сколько несуразностей, единственныхъ въ своемъ родѣ и неподражаемыхъ, наговорили въ посвященномъ Толстому „собраніи“ гг. Мережковскій, Михаилъ Семеновъ, а также многіе другіе! Академистъ г. К. заявилъ, что „еслибъ православная Церковь нашла возможнымъ совершить погребальный обрядъ надъ Толстымъ, то она должна-бы составить особый чинъ погребенія для сего случая, ибо въ виду великой святости Толстого тотъ чинъ, которымъ вообще погребаютъ православныхъ, не могъ быть совершенъ надъ Толстымъ, настолько къ величайшей святости сего мертвѣца неприложимы тѣ покаянныя пѣснопѣнія, которыя содержатся въ погребальномъ чинѣ“... (*«Колоколъ»*: 1912 г., 10-е февр., № 1753). Просто невѣроятная дичь и безмыслица! Не могу даже поверить, чтобы все это говорилъ г. К. Посему и не называю его фамиліи полностью... Однако, до чего мы дожили? Дальше идти некуда...

не къ повѣствованіямъ св. Евангелій, не къ ученю Церкви православной, на св. Евангеліяхъ покоящемуся и во всѣхъ своихъ частностяхъ разумно-аргументированному...

Все, что повѣствуется въ Евангелии святымъ объ «Іоаннѣ Крестителѣ», его «зачатіи, рожденіи»..., атtestуется Толстымъ—какъ «легенды» (*Толст. «Излож. Еванг.»*, стр. 212—213). Тѣмъ болѣе графъ не можетъ примириться съ евангельскимъ разсказомъ о крещеніи Господнемъ,—что «отверзлись небеса», что былъ слышенъ «гласъ съ небесъ глаголющій»... (*Мате. III, 16—17*)... «Что можетъ быть безсмысленнѣе того»,—спрашиваетъ онъ,—«что небо открылось и оттуда послышался голосъ» (*Толст. «Что такое религ.»*, стр. 19)? «Нельзя вѣрить», говоритъ онъ же, «что разверзлись небеса, которыхъ для нась уже нѣть» (*Т. «Обращ. къ духов.»*, стр. 40—41)... Все, что не вмѣщается въ голову недалекаго россійскаго «мудреца-философа», то и является-де «безсмысленнымъ»... Что проповѣдуется новѣйшими, обычно слишкомъ скоропреходящими, теоріями, то-де лишь одно и истинно! «Для нась»,—видите ли,—небесъ «уже нѣть»... Еще бы! Но, во всякомъ случаѣ, преподия-то, адъ-то съ Веельзевуломъ еще остались и для Толстого!

Дальнѣйшія события въ жизни Спасителя нашего, въ родѣ искушений Его отъ діавола въ пустынѣ (*Мате. IV, 1—11*), Толстымъ понимаются въ обычномъ для него смыслѣ: «разговоръ съ діаволомъ»—«сказка» (*Т. «Обращ. къ дух.»*, стр. 30). «Писатель», т. е., евангелистъ, здѣсь «заставляетъ говорить Христа съ самимъ собою»,—поучаетъ графъ,—«и онъ называетъ одинъ голосъ—голосомъ Іисуса Христа, а другой-то діаволомъ, т. е., обманщикомъ, то искуителемъ»... «Слова, приписываемыя искуителю»,—по Толстому,—«выражаютъ только голосъ плоти»—не больше. «Всѣ искушения суть»—де «самыя обычныя выраженія внутренней борьбы, повторяющейся въ душѣ каждого человѣка»—и только... (*Толст. «Излож. Еванг.»*, стр. 125—130)... Почему такъ,—а не иначе?...—почему ясное повѣствование евангельское объ этомъ событии въ жизни Спасителя должно быть понимаемо въ толстовскомъ смыслѣ, въ противовѣстивомъ?...—остается загадкой. Ясно лишь одно то, что, ставъ на такую «произвольную» точку зрѣнія, можно легко перетолковать всю исторію такъ, какъ хочется кому угодно (пресловутый Шишко у всѣхъ еще «предъ глазами»...),—можно даже и графа Толстого, пожалуй, превратить въ «христіанина»

и чуть ли не въ «послѣдняго», послѣ котораго христіанъ уже и не осталось на свѣтѣ (см. мою статью: «*Послѣдній христіанинъ*»; «*Церковь. Вѣстн.*, 1911 г., №№ 5—6)... Все можно доказать, кромѣ... одной «правды», но «эти» господа развѣ єю интересуются?..

Уже заранѣ можно ждать, что Толстой станетъ отрицательно относиться къ многочисленнымъ чудесамъ Христовыи, пользуясь своимъ методомъ безусловнаго произвола въ дѣлѣ истолкованія яснѣйшихъ евангельскихъ повѣствованій, передѣлаетъ по своему даже то, искаженіе чего, казалось бы, безусловно невозможно... Все это и видимъ..., къ сожалѣнію, хотя и не къ удивленію...

Толстой увѣряетъ, что и «духовенство» «не вѣритъ» въ чудеса» (ср. Т. «*Обращ. къ дух.*», стр. 43...)... «Человѣкъ», по словамъ графа, якобы «не будетъ въ состояніи» даже и «познать ученіе Христа, если не освободится отъ вѣры въ чудесное, въ сверхъестественное»,—если не станетъ «признавать за ложь все то, что неестественно», что «противорѣчить разуму», что отсюда является лишь «людскимъ обманомъ», каковы-де всѣ чудеса, о коихъ рѣчь—«въ библіи, въ евангелияхъ, въ буддійскихъ, магометанскихъ, таосійскихъ и другихъ книгахъ»... (Толст. «*Хр. уч.*», стр. 78—79). Все—въ одну массу: и евангельскія чудеса, и «буддійскія» сказки и т. п. Только интересно было бы знать, о какихъ буддійскихъ чудесахъ графъ говоритъ? Вѣроятно, свѣдѣнія Толстого о буддизмѣ, магометанствѣ, таосизмѣ... слишкомъ «завидны!..»

Чудеса Христовы графъ называетъ «сказкой»—и конецъ! «Сказка»: «превращеніе воды въ вино»,—«сказки»: «хожденія по водѣ», «исцѣленія», «воскрешенія людей» и пр. (Толст. «*Обращ. къ духов.*», стр. 30—31)...,—всѣ вообще чудесныя явленія Господни (стр. 31)..., какъ нѣчто не-примируемое съ «требованіями разума» (*ibid.*, стр. 31—32), т. е., графскаго, а не человѣческаго вообще... Напр., Господь исцѣлилъ «женщину, восемнадцать лѣтъ имѣвшую духа немощи» («она была скорчена и не могла выпрямиться»)... (Лук. XIII, 11—17). Фактъ исцѣленія былъ на-лицо и произошелъ быстро, мгновенно. Господь «возложилъ руки,—и» женщина «тотчасъ выпрямилась»... (ст. 13). «Начальникъ синагоги» выразилъ «негодованіе» на то, «что Иисусъ исцѣлилъ»—*εθεράπευσεν* (стр. 14)... А Толстой поясняетъ: «Иисусъ сталъ лѣчить ее» (Т. «*Изложен. Евангелия*», стр. 7). Аористную форму глагола переводить такъ,

какъ это сдѣлалъ графъ, не станетъ, конечно, и гимназистъ, хоть сколько-нибудь изучавшій греческій языкъ (къ сожалѣнію, послѣдній и въ гимназіяхъ подвергнутъ гоненіямъ!). Не говоримъ уже о томъ, что графскій переводъ стоитъ въ противорѣчіи со всѣмъ ходомъ рѣчи евангельской... Но что графу до противорѣчій? Если станемъ «настоящее время» переводить «будущимъ» и наоборотъ,—«совершенный видъ» несовершеннымъ и т. д., смотря по нашему личному желанію, тогда, г. графъ, между оригиналомъ и переводомъ не останется уже рѣшительно ничего общаго, никакихъ точекъ соприкосновенія...

Для спасенія человѣческаго рода Господь пострадалъ отъ нечестивыхъ іудеевъ и вкусила крестную смерть.

Толстой никакъ не можетъ уяснить себѣ ни прародительскаго грѣхопаденія, ни его значенія, усвояемаго ему въ христіанствѣ, ни искупительного смысла Христовыхъ страданій и смерти крестной... Все ученіе христіанское представляется графу и страннымъ, и безсмыленнымъ, и даже «безнравственнымъ»...

«Что можетъ быть безнравственнѣе того ужаснаго ученія, по которому Богъ, злой и мстительный, наказываетъ всѣхъ людей за грѣхъ Адама и для спасенія ихъ посыаетъ своего сына на землю, зная впередъ, что люди убываютъ его»... (*Толст.* «Что такое религія»..., стр. 19)? Не привыкшій отступать, даже и предъ богохульствомъ и обычно съ легкимъ сердцемъ издѣвающійся надъ всѣмъ, что выше его пониманія, Толстой, какъ видите, вѣренъ себѣ и здѣсь: и «ужасное ученіе», и сверхъ-безнравственное, и «злой, мстительный Богъ», и пр!.. Его не смущали, повидимому, такія обычныя явленія, какъ наслѣдственная—безспорная передача отъ предковъ даже къ отдаленнымъ потомкамъ различнаго рода болѣзненныхъ предрасположеній, даже самыхъ ужасныхъ, заставляющая страдать невинныхъ дѣтей, внуковъ... за грѣхи отцовъ, дѣдовъ и т. д. Онъ не взялъ на себя труда хотя бы немногого вдуматься въ раскрытие христіанскою Церковью доктрины объ искупленіи,— подробностей и частностей его... Для него—графа—оказалось достаточно лишь одного: разъ онъ не понялъ, хотя и не употребилъ необходимыхъ для разъясненія дѣла средствъ,—и все прочь, все въ сторону, какъ негодное, безнравственное... Не таковы ли, напротивъ, въ данномъ случаѣ его собственные приемы?.. «Ни—одинъ свѣжій, взрослый образованный человѣкъ»,—видите ли,—«не только не повѣрить вамъ» (т. е.,

духовенству), «но или засмѣется, или приметъ васъ за душевно-больного, услышавъ ваши разсказы» о «грѣхѣ Адама и искупленіи отъ него людей смертью сына Бога» (Толст. «Обращ. къ духов.», стр. 46)... Такъ обычно аргументируетъ графъ: всюду у него лишь «душевно-больные», всюду у него лишь вещи, достойныя одного «смѣха»..., гдѣ только не хватаетъ его пониманія или даже маленькаго хотя бы желанія понять то, о чёмъ онъ пишеть... Кто вѣрить въ учение о «грѣхопаденіи Адама»..., «для такого человѣка требованія разума уже не обязательны» (стр. 31), какъ и для того, кто вѣрить въ «искупленіе рода человѣческаго кровью Христа» (стр. 32), «въ искупительную для людей жертву его смерти» (стр. 31)... Почему, однако...,—это могъ бы сказать только графъ Толстой, которому съ безконечно большими правомъ можно было бы отвѣтить, что совсѣмъ «не обязательны требованія разума» для тѣхъ, кто сколько-нибудь можетъ убѣждаться безтолковыми графскими рѣчами...,—для тѣхъ именно, а не для кого-либо иного. «Искупленіе грѣха Адамова» «кровью» Христовою Толстой ставить на одну линію съ такими бреднями, какъ та, что «Будда улетѣлъ на небо», что «Магометъ леталъ на седьмое небо» и т. д. (Т. «Христ. уч.», стр. 68... Ср. «Обращ. къ духов.», стр. 36 и др.)... Почему...,—однако,—это никому неизвѣстно. Не знаетъ этого, конечно, и самъ Толстой.

Несомнѣнно считая Господа нашего за своего личнаго врага (иначе не понять толстовскаго отношенія къ Спасителю), графъ не можетъ спокойно и сколько-нибудь приличнымъ не христіанину ужъ, а хотя бы культурному вообще человѣку, языкомъ говорить объ Его—Иисуса Христа—страданіяхъ и крестной смерти... «Богъ... наказалъ за» Адамовъ грѣхъ «всѣхъ людей, а потомъ послалъ своего сына... на землю съ тѣмъ, чтобы его тамъ повѣсили! Это самое повѣщеніе и служить для людей средствомъ избавленія отъ ихъ наказанія за» тотъ «грѣхъ»... (Толстого: «Неужели это такъ надо?» Изд. «Своб. Слова», № 45. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1901. Стр. 25). И языки, и догматствованіе—одно другого стоить! «Повѣсили», «повѣщеніе»...—и только! Господь и явился «на землю» «съ тѣмъ, чтобы Его повѣсили»—и конецъ! Коротко и просто..., но безконечно глупо. Или еще перлы толстовскаго «художественнаго» языка, толстовскаго «глубокаго» богословія: «1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то

нищій и что-то наговорилъ. Его высѣкли и повѣсили»... (*Толст. Изложение Еванг.*, стр. 119). «Какой-то нищій»..., — «что-то наговорилъ», — «высѣкли», «повѣсили»!.. Невозможно и догадаться, что рѣчь идетъ не о другомъ комъ-либо, а о Самомъ безцѣнномъ для насъ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ!.. Вѣдь и злѣйшій и богохульнѣйшій языкъ, кажется, не могъ бы сказать ничего болѣе циничнаго, болѣе діавольскаго! Про какого-нибудь Будду, про какого-либо Магомета... и самъ яснополянскій хульникъ никогда такъ гнусно не выражался... До чего же онъ опустился? До какой сатанинской злобы дошелъ?.. Безпримѣрныя страданія Господни, Его крестная смерть — все это безконечно трогало даже язычниковъ, привело въ содроганіе даже природу, *даже ее...* — а этотъ «христіанинъ» яко бы Толстой какой-то, какой-то безбожникъ, какой-то, по собственному его сознанію, развратникъ и циникъ... только глумится, глумится хуже Юліана Отступника, старается найти въ своемъ «художественномъ» — извощицемъ лексиконѣ самыя отборно-бранныя слова: «нищій», да еще «какой-то», «что-то» (вѣдь это извѣстно какъ будто-бы всему миру!) «наговорилъ» (какъ первый встрѣчный уличный ораторъ!), «высѣкли»... (Толстого высѣчь, дѣйствительно, стоило бы!), «повѣсили»!.. Какъ еще не отсохла нечестивая толстовская рука, когда рѣшилась вывести на бумагѣ подобныя безпримѣрно-богохульныя ругательства?! Во-истину долготерпѣливъ Господь!

Иисусъ Христосъ умеръ на крестѣ... Съ этимъ все, по Толстому, и окончилось. Ничего дальше и не было. Точка — и конецъ всему (см. *Толст. Излож. Еванг.*, стр. 103. — *Толст. Жизнь и учение Иисуса*. Изд. 2-е *Своб. Слова*, № 34. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903. Стр. 27). Толстой, судя о другихъ людяхъ по себѣ, убѣжденъ, что и представители христіанской Церкви «не вѣрять въ воскресеніе Христово» (*Толст. Обращ. къ духов.*, стр. 43), послѣдовавшее въ 3-й день послѣ крестной смерти Спасителя. Это «воскресеніе» графъ называетъ излюбленнымъ имъ словомъ: «сказка» (стр. 30). Ему такъ хочется, чтобы дѣйствительное и документально засвидѣтельствованное событие всѣ считали сказкой, что ради достиженія цѣли не церемонится и съ очевидцами воскресшаго Господа. «Другіе говорили», — читаемъ у него, — «что они видѣли самого умершаго учителя» (т. е., воскресшимъ). «Они выдумывали то, чего никогда не было, и лгали»... (*Толстого Возстановленіе ада* — «легенда»;

Спб. 1905 г. «Серія сочиненій, бывшихъ подъ запретомъ въ Россіи»; № 2. Стр. 7). Вы говорите, что видѣли то-то и то-то,—а графъ Толстой, которому это непріятно, голословно заявляетъ вамъ, что «выдумываете», что «лжете»...—и конецъ опроверженіямъ! Не-дурны пріемы! Въ другой разъ Толстой говорилъ: «явленіе Єомъ и десяти человѣкамъ и потомъ пятистамъ никакъ не могло убѣдить въ этомъ другихъ, тѣхъ, которые не видѣли этого воскресенія». «Ученики только рассказывали про воскресеніе»,—продолжаетъ графъ,—«а разсказывать можно все»... (Толст. «Изложenie Евангел., стр. 207)... На какомъ основаніи подозрѣвается правдивость учениковъ Христовыхъ, неизвѣстно. Неизвѣстно, почему имъ приписывается способность «разсказывать все», что вздумалось бы, т. е., даже и ложь. Кажется, они ничѣмъ не заслужили такого низкаго о себѣ мнѣнія. Окружавшіе, напротивъ, знали объ ихъ добросовѣстности и правдивости и потому вѣрили ихъ разсказамъ,—убѣждались,—тѣмъ болѣе, что рассказывали не одинъ, не два—три человѣка, а цѣлая масса лицъ, которыхъ, какъ бы на нихъ ни смотрѣть, не могли же всѣ лгать... А чего стоить языкъ графа: «Єомъ» (почему бы не прибавить: «Апостолу»?) «и десяти человѣкамъ» («человѣкамъ — и только!...»),—«выдумывали», «лгали»...? И такъ, «воскресеніе» Христово—это нѣчто такое, по графу, «чего понять нельзя». И Толстой не жалѣть словъ своего «художественнаго» (!) лексикона, чтобы, за неимѣніемъ другихъ доказательствъ, хотя бы этимъ оружиемъ отстоять свою фальшивую точку зрѣнія: «чудо воскресенія», по графу, «прямо противно ученію Христа», Который-де «прямо отрицалъ воскресеніе»... (Т. «Излож. Еванг.», стр. 208). Все у Толстого «прямо», да «прямо», а въ итогѣ выходитъ только и только криво, да лживо: графъ почему-то (приписывая Иисусу Христу то, чего Господь никогда и не говорилъ, т. е., напр., не «отрицалъ воскресенія»...) забываетъ о томъ, что Самъ же Спаситель предсказалъ Свое воскресеніе (какъ-же оно послѣ этого могло быть «противно ученію Христа», да еще «прямо»?..): Мрк. XIV, 58; Іоанн. II, 19; Мате. XXVI, 61, — XXVII, 40; Мрк. XV, 29... Евангельское повѣствованіе «о воскресеніи» Христовомъ,—увѣряетъ Толстой,—есть «легенда»; «воскресеніе — событие, выдуманное» де «безъ всякаго основанія» (Толст. «Излож. Ев.», стр. 209)... «Легенда есть ложь» (стр. 210) (ср. стр. 213)... и т. д. Такихъ голословныхъ заявлений

у графа—сколько угодно, но цѣна ихъ—нуль съ минусомъ—не больше. Чтобы понять смыслъ и значение воскресенія Христова, графъ прочиталъ бы хоть 1 Кор. XV... Самому же ему съ его испорченнымъ умомъ, съ его безконечною тенденціозностью..., конечно, не добраться до истины... Горе-богословъ! Горе-экзегетъ безъ знанія даже элементовъ греческаго языка! Но—съ апломбомъ первѣшаго филолога!. Отчего-бы, г. К., не придумать для графа и особой ученой степени («doctissimus»...)?

Не понимая смысла «воскресенія» Господня, Толстой естественно (съ его точки зрѣнія) не понялъ и того, что произошло затѣмъ до «вознесенія» Христова,—не уразумѣлъ смысла Господнихъ явленій, наставленій, обѣтованій...,—всего того, что Господь считалъ необходимымъ сдѣлать, чтобы завершить Свою божественную миссію на землѣ... Посему графъ и говоритъ: «воскресить-то... воскресили» «писатели» (своими «выдумками»), «но заставить его что-нибудь сказать и сдѣлать достойное его—не сумѣли» (Т. «Излож. Ев.», стр. 208)... Что Господь послалъ Своихъ учениковъ «проповѣдывать Евангеліе всей твари», присоединивъ слова: «кто будетъ вѣровать и креститься, спасеніе будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденіе будетъ,—что «увѣровавше» «будутъ изгонять бѣсовъ именемъ» Христовымъ, не потерпять вреда ни отъ «змѣй», ни отъ «смертоноснаго» яда, будутъ исцѣлять «недужныхъ»... (Марк. XVI, 15—18) (Матѳ. XXVIII, 19—20. Лук. XXIV, 47. 49... Иоанн. XXI, 15—23...) и пр. и пр.—все это въ глазахъ Толстого, очевидно, не имѣть никакого значенія, если этотъ кумиръ безбожниковъ и безпримѣрный циникъ позволяетъ себѣ спрашивать: «для чего же было воскресать, чтобы только сдѣлать и сказать всѣ эти глупости?» и пр. (Т. «Изл. Ев.», стр. 208)... Все,—видите-ли,—у Толстого—«глупости»..., что не подходитъ къ его низменной точкѣ зрѣнія,—что превышаетъ его пониманіе,—все, кромѣ тѣхъ колоссальнѣйшихъ несуразностей, какія онъ изрекаетъ бездоказательно и голословно на каждомъ рѣшительно шагу... Для христіанъ же дѣло представляется совсѣмъ инымъ: и чрезвычайно важнымъ, и весьма необходимымъ, такъ-какъ, по ихъ представленію, «Иисусъ Христосъ по воскресеніи Своемъ» «въ теченіе 40 дней» «продолжалъ учить Апостоловъ тайнамъ царствія Божія. Деян. 1, 3» («Катихиз.»—*O пятомъ членѣ*)...

Исполнивъ Свое божественное дѣло на землѣ, Господь нашъ

Иисусъ Христосъ «вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога» (Марк. XVI, 19).

Толстой, отрицающій «воскресеніе» Христово, разумѣется, тѣмъ болѣе неблаговолительно относится и къ факту «вознесенія» Господня. Прежде всего, графъ, при его особой нравственной безтактности, вмѣсто термина: «вознесся» обычно употребляетъ: «улетѣлъ» (см., напр., Т. «Излож. Еванг.», стр. 207...), подобно тому, какъ вмѣсто: «крестится» онъ говоритъ: «выкупается» (*ibid.*) и пр. Затѣмъ о самомъ «вознесеніи» Господа онъ заявляетъ, что «это—выдуманное ненужное чудо» (*ibid.*). Почему «выдуманное»..., когда оно засвидѣтельствовано св. Евангелистами (Марк. XVI, 19; Лук. XXIV, 51. Дѣян. I, 9—10, 11)..., это неизвѣстно, конечно... Почему оно—«ненужное» послѣ того, какъ Господь окончилъ на землѣ Свое искупительное дѣло, ради котораго воплотился... и пр. (ср. Ефес. IV, 10),—это опять остается неизвѣстнымъ никому, кромѣ графа,—да и онъ, разумѣется, здѣсь, какъ въ предыдущемъ и въ другихъ случаяхъ, не отдаетъ себѣ самъ отчета въ своихъ словахъ... и говорить на-вѣтеръ, лишь бы что-либо сказать противъ Господа нашего Иисуса Христа... Ну, развѣ не безумный лай—слова графа: «что можетъ быть безмыслинїе того, что... Христосъ улетѣлъ на небо»... (Т. «Что такое религія?»... Стр. 19)? Развѣ не единственное въ своемъ родѣ упрямство злого человѣка утверждать, не смотря ни на что, не смотря на факты, ясно и основательно засвидѣтельствованные, что «улетаніе» (!) Господа «на небо»—«сказка» (Толст. «Обращ. къ духамъ», стр. 30)? И напрасно богохульникъ яснополянскій навязываетъ «духовенству» свое собственное невѣріе, невѣріе празднаго барина, отъ бездѣлья занявшагося чесаніемъ языка,—напрасно утверждаетъ, что будто бы христіанскоѣ ученіе о вознесеніи «не имѣть никакого смысла» для представителей Церкви (стр. 40...), которые-де, посему, и не вѣрятъ будто бы въ него (*ibid.*; см. также стр. 43...). На каждомъ шагу онъ доказывалъ и доказываетъ, что читать въ чужой душѣ—увы!—не въ состояніи. Тоже и здѣсь. Вмѣсто того, онъ лучше бы сдѣлалъ, еслибъ повнимательнѣе читаль слово Божіе, толковать которое непризваный и непризнанный взялся и которому навязываетъ все, что только вздумается. Вотъ одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ. «Лука упоминаетъ... о вознесеніи при 500 человѣкахъ» (Толст. «Излож. Еванг.», стр. 206)... Откуда взялъ этихъ 500 лицъ графъ Толстой? Выдумалъ, конечно,—

какъ поступалъ онъ и въ другихъ случаяхъ. Солгать для него не стоитъ ничего. Вотъ и вѣрьте ему,—его категоричнымъ и безапелляціоннымъ утвержденіямъ... Но «безсмысленіе» ихъ трудно и выдуматъ что-либо, дѣйствительно не считающееся съ «требованіями разума»... Да! Горе съ экзегетами, не умѣющими читать по печатному и выдумывающими цѣлыхъ сотни людей (въ данномъ случаѣ 500)...

А Толстой продолжаетъ свое кликушество неизмѣнно и дальше. «Что можетъ быть безсмысленіе того, что... Христосъ... сидитъ... гдѣ то одесную отца» (Т. «Что такое религія?...», стр. 19)? Что «Христосъ»,—продолжаетъ свои богохульства графъ,—«придетъ оттуда» (съ неба) «судить воскресшихъ,—не имѣть» будто бы для представителей Церкви «никакого смысла»... (Толст. »Обращ. къ духов.», стр. 40)... Разъ Иисусъ Христосъ—Сынъ Божій,—разъ Онъ, выполнивъ Свое искупительное дѣло на землѣ, возвратился на небо, то гдѣ же Ему и пребывать, какъ не вмѣстѣ съ Отцомъ? Если люди всѣ воскреснутъ, то развѣ не естественно говорить о судѣ надъ ними,—развѣ не естественно потребовать отъ нихъ отчета въ ихъ поведеніи,—развѣ не безсмысленно было бы, наоборотъ, предполагать, что, по воскресеніи, на одну линію будутъ поставлены и добрые, и злые?.. И кому же ближайшимъ образомъ всего естественнѣе судить ихъ, какъ не пострадавшему за нихъ, какъ не искупившему ихъ Христу?.. Въ концѣ концовъ «смысла» обычно не оказывается лишь въ словахъ, и утвержденіяхъ яснополянского циника и богохульника..., но не въ ученіи Евангельскомъ, не въ ученіи православной Христовой Церкви... Такъ-то!

Хорошъ, однако, членъ Христовой Церкви—Толстой! Хорошъ христіанинъ! И развѣ, уча такъ, онъ давно не вычеркнулъ себя изъ «христіанскаго» общества самъ? Развѣ еще возможны здѣсь какія-либо солидныя недоумѣнія, возраженія, гг. толстофилы?!

4) Не признающій Личнаго Бога, глумящійся надъ Иисусомъ Христомъ... яснополянскій хульникъ называетъ «лжеучителями» представителей Христовой Церкви, учащихъ о З-мъ Лицѣ (отрицаемой Толстымъ Пресвятой Троицы)—Св. Духѣ, обѣ Его «сопечствіи на Апостоловъ»... («Полн. собр. соч. Толст.»; изд. Герцика; Спб. 1907 г., т. II, стр. 16.—«Возстані. ада», стр. 7). Говоря, «что на нихъ сошли огненные языки», Апостолы-де «выдумывали то, чего никогда не было,

и лгали»... («Возст. ада»: loco cit.)... Разъ Толстому не нравится ясное учение слова Божия о «сопшествии Св. Духа» (Дьян. Апост., гл. 2), онъ, оставаясь себѣ вѣрнымъ, и спѣшить за помощью къ своему извоющимъ лексикону: «выдумывали»..., «лгали»... Выругался и—конец! Какія еще нужны доказательства для опроверженія того, во что миллионы людей вѣрили и вѣрятъ вотъ ужъ девятнадцать вѣковъ?

Итакъ, по Толстому, «Троицы» нѣть, — Иисусъ Христосъ былъ простымъ лишь человѣкомъ,—Св. Духа—также нѣть... Онъ ни на кого, посему, и никогда и не «сходилъ»... Ясное дѣло отсюда, что, съ графской точки зрењія, не можетъ быть принять параграфъ «Катихизиса», говорящій: «Священнымъ Писаніемъ» называются «книги, написанныя Духомъ Божіимъ, чрезъ освященныхъ отъ Бога людей, называемыхъ Пророками и Апостолами. Обыкновенно сіи книги называются Библіей» (см. главу «О Священномъ Преданіи и Священномъ Писаніи»). Графъ, разумѣется, и отвергаетъ подобный взглядъ на Священное Писаніе, какъ недобопріемлемый...—а также, съ своей стороны, высказываетъ не мало грубыхъ и оскорбительныхъ вещей (для того, чтобы унизить Библію), какихъ столь много имѣется въ его «художественномъ» запасѣ, по пути приписывая (по своему обычаю) представителямъ Церкви все, что только ему вздумалось бы. Духовенство, по увѣренію Толстого, будто бы «не вѣрить въ богоиздохновенность всего того писанія, которое» оно «называетъ священнымъ» (Т. «Обращ. къ духов.», стр. 43). Почему, однако, графъ такъ думаетъ, это неизвѣстно, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, о какихъ рѣчь была выше неоднократно. Толстому не нравится, что Церковью «Библія признана священной», «писаніе непогрѣшимымъ» (Т. «Что такое религія»...; стр. 18), а между тѣмъ-де сколько «нелѣпостей» въ «ветхомъ» хотя бы «завѣтѣ въ родѣ сотворенія... міра...», помѣщенія всѣхъ животныхъ въ ковчегъ» и т. д. (стр. 18—19). Люди-де «признавали священнымъ изложеніемъ закона Бога 49 книгъ и въ этихъ книгахъ признали всякое слово произведеніемъ Бога, святого духа», хотя будто бы въ нихъ—«куча мнимыхъ священныхъ истинъ» (Толст. «Возстан. ада», стр. 9)... Какихъ? Почему мнимыхъ? Но, конечно, ниже Толстовскаго достоинства разъяснять это,—и графъ, конечно, не трудится разъяснять... Сказавъ, что въ каноническихъ книгахъ Священного Писанія «все—отъ Духа Святаго и всякое слово истинно», «этимъ»

Церковь, по Толстому, «погубила и повредила все то, что она приняла» (*Толст. «Соедин. и перев... Евангел.»*, стр. 10), — такъ какъ графъ, — видите ли, — находитъ въ словѣ Божіемъ вещи, ему не нравящіяся, которыя слѣдовало бы выбросить и которыя-де не могутъ быть признаны за умѣстныя въ Св. Писаніи, какъ таковомъ: напр., «мошенничество» (?) «любимаго Богомъ Якова», «хитрости Іосифа»..., «страшныя злодѣянія, совершаemыя... самимъ Богомъ» (??)... (*«Обраш. къ дух.»*, стр. 30), «потопъ»... (стр. 31), «исторія первыхъ людей и грѣха Адама»... (стр. 46) и т. п. Какъ видите,—вмѣсто того, чтобы постараться понять смыслъ библейскихъ повѣствованій, напр., по руководству святыхъ Отцовъ..,—графъ, никого не считающій выше себя, самъ — безъ чьихъ-либо указаній, по одному своему капризу барскому, одно выбрасываетъ, другое считаетъ нелѣпымъ, употребляетъ даже непозволительныя для сколько-нибудь порядочнаго человѣка слова (о патріархѣ Іаковѣ, о патр. Іосифѣ...), дерзко обвиняетъ «самого Бога» (далѣе идти не-куда даже и самому діаволу!)... и готовъ по части безумныхъ выходокъ своихъ, по части безконечнаго богохульства и безграницаго нравственнаго цинизма побить какой-угодно рекордъ. Не-мудрено, посему, что ругатель-Толстой, наконецъ, дошелъ до такого безумнаго вопроса: «есть ли въ христіанскомъ мірѣ книга, надѣлавшая больше вреда людямъ, чѣмъ эта ужасная книга, называемая Священnoй Исторіей ветхаго и новаго завѣта?» Толстого возмущаетъ, что «эту исторію» изучаютъ «всѣ люди христіанскаго міра, какъ первое необходимое основное знаніе. какъ единую, вѣчную божескую истину» (стр. 31)... Одного только ясонополянскій безумецъ не уяснилъ себѣ: благодаря чему—онъ самъ-то въ свое время былъ болѣе или менѣе порядочнымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ, пока не свихнулся духовно и не понесъ всякий богохульный и порнографическій вздоръ? Ему—графу—всегда не мѣшало бы помнить басню: «Свинья подъ дубомъ вѣковымъ» и т. д.

И такъ, по графу, прежде всего «Ветхій Завѣтъ» не есть «боговдохновенное писаніе» (*Т. «Соедин. и перев... Еванг.»*, стр. 8—9). Толстому кажется смѣшнымъ предположеніе, что «Богъ... открылъ всю истину Моисею, написавъ пальцемъ на камнѣ то, что надо держать клятвы, помнить день субботній, обрѣзываться»... (*Т. «Христ. учение»*, стр. 68)... Чего не понимаемъ, то намъ, видите-ли, конечно, только смѣшно, только странно...—не больше!.. Хорошо!

Но и священнымъ книгамъ Новаго Завѣта снисхожденія оказывается не столь ужъ много!

Евангелие (на которое графъ смотрить такими же глазами, какими и на всякую вообще человѣческую книгу, потому что, какъ сказано, никакой «боговдохновенности» онъ не признаетъ)—«составлено»-де «людьми малообразованными и суевѣрными» и оно «никакъ не есть непогрѣшное выраженіе Божеской истины..., исполнено погрѣшностей и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принимаемо, какъ произведеніе Св. Духа»... «Мы»,—говорить этотъ комичный экзегетъ,—«обязаны» (особенно онъ съ его нулевыми филологическими, философскими и религіозными познаніями), «если уважаемъ истину» (но графу, къ сожалѣнію, никакого дѣла до истины нѣть,—онъ считается только со своимъ сатанинскимъ самолюбіемъ, ничего не желающимъ знать выше и кромѣ себя), «исправлять встрѣчающіяся въ этихъ книгахъ погрѣшности»... (*Толстою: «Какъ читать Евангелие и въ чемъ его сущность?»* 2-е издан. *«Своб. Слова»*, № 6. A. Tchertkoff. Purleigh, Maldon, Essex, England. 1900. Стран. 6)... Да,—если допустить къ Евангеліямъ Толстого съ его безпримѣрно-невѣжественными и безграмотными пріемами, то отъ этихъ святыхъ писаній едва-ли что-нибудь останется! Хоть бы графъ взялъ на себя трудъ познакомиться съ исторіей вопросовъ: о подлинности св. Евангелій, о текстѣ ихъ и пр.,—тогда онъ многому бы научился, о чёмъ пока и не подозрѣвалъ, и это знакомство сбило бы всю его спѣсь... А теперь, рѣшительно ни съ чѣмъ не—знакомый, видящій свѣтъ только въ своемъ узко-сектантскомъ окошкѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, безаппеляціонно заявляетъ, что «неизвѣстно, кто писалъ», напр., «четвертое евангелие»..., и «что этого мы никогда не узнаемъ» и не въ состояніи «судить объ исторической достовѣрности евангелія»... (*Т. «Излож. Еванг.»*, стр. 209). Толстому-то, конечно, не извѣстно ни это, ни многое другое (ему хорошо знакомы только грубыя извоиччи слова и выраженія, съ развязностью расточаемыя направо и налево съ чисто кабацкимъ ухарствомъ: у него и «бабы идуть ко гробу» Спасителя, и «порченая Марія», и «кумушки»...: стр. 210),—но всѣмъ здравомыслящимъ людямъ все это давно уже ясно, благодаря древне-церковному твердому и опредѣленному преданію, непрерывному со временъ Апостольскихъ...

Относительно книги *«Дѣяній Апостольскихъ»* Толстой за-

являетъ, что въ ней находится элементъ, «часто не только не поучительный, но прямо соблазнительный»...,—что «теперь нельзя найти болѣе кощунственной книги, болѣе подрывающей вѣру», чѣмъ эта будто бы книга (Т. «*Излож. Ев.*», стр. 111; ср. стр. 110...), — что «Дѣянія»..., «какъ и многія посланія Павла, часто не только не имѣютъ ничего общаго съ Евангеліемъ...», но часто противорѣчать ему... (стр. 112) (чит. тоже въ «*Соед. и перев... Еванг.*», т. I, стр. 10, 12...)... Но, если спросить у графа толковаго (сколько-нибудь) отвѣта на вопросы: что именно «соблазнительного» онъ нашелъ въ «Дѣяніяхъ»,—что—«кощунственного», «подрывающаго вѣру»,—что тамъ «противорѣчить» будто бы Евангелію и другимъ новозавѣтнымъ писаніямъ,—то, разумѣется, такого отвѣта мы никогда не дождались бы,—его у графа нигдѣ и нѣтъ... Не о чёмъ, слѣдовательно, болѣе и толковать. Остается сказать развѣ о томъ лишь, что и «соблазнительнымъ», и «кощунственнымъ», и «противорѣчивымъ»... элементами переполнены только его—графскія—творенія, но никакъ не новозавѣтныя библейскія писанія. Кощунственные и соблазнительные, подрывающія вѣру толстовскія рѣчи мы уже не разъ слышали выше,—а о томъ, какъ графъ себѣ жестоко противорѣчить, можно судить хотя бы по отношенію его къ вопросу о бракѣ: «идеальною женциною» онъ считаетъ-то такую, «которая отдастся своему женскому призванію... и родить... наибольшее количество дѣтей», то такую, «которая разрушить въ себѣ это самое призваніе, уничтожить»... (см. подробности въ моей статьѣ: «*Къ вопросу обѣ условияхъ нормального теченія жизни христіанской семьи*»; «Христ. Чтен.», 1898 г., апрѣль, стр. 546)... По обычаю Толстой и въ отношеніи къ книгѣ «Дѣяній Апостольскихъ» сваливаетъ съ больной головы на здоровую...

Писаній св. Ап. Павла графъ не любить (ср. отчасти уже выше). Ап. Павель, по толкованію Толстого, будто бы проповѣдывалъ «насиліе во имя добра» (Толст. «*Письмо къ N. N.*»; стр. 5). Явное непониманіе или нежеланіе уразумѣть Апостола! Не желая понять смысла Апостольского совѣта о «винѣ» (1 Тиме. V, 23: «впередъ пей не одну воду, но употребляй немнога вина, ради желудка твоего и частыхъ твоихъ недуговъ»),—совѣта яснаго и не дающаго поводовъ къ перетолкованіямъ,—графъ позволяетъ себѣ на этотъ счетъ иронизировать («все» де «свято:.. и совѣты Павла о винѣ»:

см. «*Соед. и перев... Еванг.*», стр. 10), — но какая это — глупая и безмысленная иронія, цѣликомъ и съ процентами возвращающаяся къ ея автору!.. Ап. Павла Толстой не хочетъ или не можетъ понять, когда совершенно несправедливо говоритъ, что «Павель» будто бы «учить своей вѣрѣ, которую онъ называетъ» только «Христовой» (*Т. «Излож. Ев.*», стр. 196). Въ негодованіи на Ап. Павла за то, конечно, что послѣдній такъ блестяще и такъ гениально истолковывалъ учение Господне, графъ не жалѣть своихъ обычныхъ ругательствъ, называя, напр., 1-е посланіе къ Коринтянамъ «безобразнымъ» (стр. 196) и т. д. и забывая, что эпитетъ этотъ всего скорѣе приложимъ къ нему — яснополянскому безбожнику, какъ вполнѣ имѣть заслуженный... У графа только одни ругательства: здѣсь «безобразное», тамъ «попы» (*Письмо къ N. N*, стр. 5) и т. д. Въ этомъ отношеніи графъ вѣренъ себѣ..., къ сожалѣнію...

«*Апокалипсиса*» Толстой уже окончательно не переносить. Только и читаете у него: «брѣдъ Апокалипсиса» (*Т. «Излож. Ев.*», стр. 110); въ Апокалипсисѣ де на лицо содержаніе «прямо соблазнительное» (стр. 110 — 111); «Апокалипсисъ уже прямо ничего не открывается» (стр. 112) и т. д. (ср. «*Соед. и перев... Еванг.*», стр. 10, 12...). Въ чёмъ, однако, «брѣдъ» этотъ проявляется, — что въ этой книгѣ «соблазнительного»... — все это, впрочемъ, осталось скрытымъ въ головѣ графа и міру такъ и не открыто, потому что дѣйствительно нечего было и открывать. А что Апокалипсисъ будто бы «прямо» (любимое и не кстати употребляемое графомъ словечко!) «ничего не открываетъ», — это является во-истину «открытиемъ» со стороны графа, до него никѣмъ не высказывавшимся и никому неизвѣстнымъ... Сказалъ бы графъ, что онъ, несмотря на свой единственный — де и исключительный — де умъ, ничего въ Апокалипсисѣ не можетъ понять, — это было бы еще не диковинно, — но сказать, что книга ничего будто бы и не открываетъ, это слишкомъ комично... даже и для графа, не смотря на то, что къ его смѣхоподобнымъ выходкамъ мы уже какъ будто попривыкли...

Итакъ, со Священнымъ Писаниемъ, какъ боговдохновеннымъ источникомъ, Толстой покончилъ совершенно и опредѣленно. Сомнѣній болѣе не остается... Хорошъ онъ, однако, этотъ христіанинъ!..

5) «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ»... (*«Катих.*» «О девятомъ членѣ»...). *Отъ Бога.* А

графъ Толстой со свойственнымъ ему богохульствомъ заявляетъ, что «изобрѣтатель Церкви — дьяволъ въ пелеринѣ» (см. Толст. «Возстан. ада», стр. 23), — что онъ именно «выдумалъ Церковь» для того, чтобы «спасти» Веельзевула и его клевретовъ и «возстановить адъ» (стр. 7)..., потрясенный и сокрушенный Христомъ (стр. 4, 3)... Церковь — де нужна діаволу для того, чтобы затемнить, извратить учение Христово! Графъ такимъ образомъ кощунственно отзыается о Церкви, которая, наоборотъ, призвана сохранять и передавать въ чистотѣ и цѣлости животворное учение нашего Господа и которая употребляетъ всѣ силы на то, чтобы содѣйствовать спасенію ея членовъ... — о Церкви, которую создалъ Самъ Иисусъ Христосъ — Единородный Сынъ Божій (Мате. XVI, 18). Толстой въ данномъ случаѣ превзошелъ, кажется, уже всѣхъ безумцевъ всѣхъ временъ!

«А церковь», — продолжаетъ онъ, — «это-то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ, они всегда, ссылаясь на Бога, говорятъ: Ей Богу, правда то, что я говорю, — это собственно и есть церковь»... При этомъ «люди, признавшіе себя церковью, уверяются, что они уже не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость» (!!) «они ни сказали, уже не могутъ отъ нея отречься» и т. д. (Толст. «Возстан. ада»; стр. 7)... Здѣсь у графа читаемъ уже въ буквальномъ смыслѣ какой-то сумбуръ, — какой-то дикій бредъ сумасшедшаго... Въ безмыслицѣ толстовской разобраться уже положительно невозможно, — да несомнѣнно, что и самъ Толстой не отдавалъ себѣ какого-либо отчета въ томъ, что писалъ. Нагромоздилъ массу вздора — и кончено! Въ самомъ дѣлѣ, если люди, — допустимъ, — лгутъ тѣ или иные и если, чувствуя, что другіе имъ не вѣрятъ, станутъ бояться для увѣренія въ своей правдѣ..., — то какая же тутъ Церковь? Даже и Толстому сказать что-либо столь несуразное, столь безконечно безсмысленное, кажется, уже трудно бы! Если «Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ Православію вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и Таинствами» («Катих.»: loc. cit.), — то при чемъ же тутъ какія-то придумываемыя графомъ «ложь», «божба»..., «глупость», которую онъ всего лучше оставилъ бы при себѣ, гдѣ ей всего умѣстнѣе и пребывать? Или ужъ безъ извоичьяго языка «культурному» ругателю не обойтись, — такъ онъ миль ему?

• Если подобнымъ образомъ Толстой смотрить на Церковь,

на ея сущность, происхожденіе..., то ясное дѣло, что, съ его точки зрѣнія, странно было бы говорить обѣ ея «святости»... Онъ и не говорить обѣ этомъ... Наоборотъ, категорически заявляетъ, что Церковь будто бы «перетолковала ученіе» Христово въ «пользу» Веельзевула и его клевретовъ (Т. «Возст. ада», стр. 8), освящала и освящаетъ «страшные обманы» (Т. «Хр. ученіе», стр. 77)...,—что проповѣдуемое ею ученіе есть ученіе «мрака и лжи», направленное «противъ свѣта и истины» (Толст. «Обраш. къ духов.», стр. 33),—ученіе столь «безнравственное», какого-де еще «никогда не проповѣдывала ни-одна религія» (Т. «Что такое религ.?..», стр. 18)...,—и что «нужно уничтоженіе» этой «ложной» доктрины, «въ которой воспитываются люди нашего времени» (Т. «Неужели это такъ надо?» Стр. 26)... Продолжать дальнѣйшія извлеченія изъ толстовскихъ сочиненій уже излишне: о нихъ можно достаточно судить на основаніи сдѣланныхъ выдержекъ. Толстой щедръ на подобныя рѣчи и словъ не жалѣть. Къ сожалѣнію, только не пытается обосновать своихъ положеній, разсчитывая на довѣрчивость наивныхъ читателей. Такъ, онъ ни мало не разъясняетъ и нисколько не доказываетъ,—гдѣ и какъ Церковь «перетолковала» зловредно Христово ученіе? Вѣдь Церковь всегда выступала и выступаетъ ясно, открыто, и всякий можетъ провѣрить ея ученіе, сравнивъ его съ учениемъ Самого Господа. О какихъ «извращеніяхъ» здѣсь можно было бы говорить? О какихъ «обманахъ», да еще «страшныхъ?» И пусть бы графъ попытался путемъ тщательного сопоставленія «церковнаго» ученія съ «Христовымъ» доказать отступленія первого отъ послѣдняго. Но этого ему никогда не удалось бы, да онъ и не пробуетъ дѣлать ничего подобнаго, заранѣе зная, къ чему все это привело бы... А говорить, графъ, можно все... Какой «мракъ», какую «ложь» проповѣдуетъ Церковь, съ какимъ «свѣтомъ», съ какою «истину» она борется, это опять никому неизвѣстно, кроме одного лишь фантазера—Толстого. Въ чемъ—невѣроятная «безнравственность» христіанскаго ученія? Снова и снова неизвѣстно. Извѣстно лишь то, что, по мѣрѣ ослабленія вліянія этого ученія на общество, въ послѣднемъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ и усиливается нравственное хулиганство, все болѣе и болѣе распространяется порочность и т. д. И если о чёмъ всякий здравомыслящій человѣкъ долженъ заботиться, то единственno лишь не обѣ «уничтоженіи» христіанской доктрины, а напро-

тивъ—только и только объ ея усиленії. Это отлично понимаютъ и сознаютъ всѣ, не зараженные христіанофобіей, люди... Не будь Церкви Христовой, не будь ея вліянія..., Толстой и его почитатели во-очію увидѣли бы результаты (Португалія, Франція, С.-Америка.... вѣдь на-лицо).... Увидѣли бы, что «насиліе»,—въ которомъ графъ несправедливо обвиняетъ Церкви саму по себѣ, яко бы прибѣгавшую къ этому «средству противъ несогласія» чьего-либо съ ея ученіемъ,—насиліе и открытое, и «скрытое»... (*Толст. «О впротерпимости»; изд. «Своб. Слова», № 72. A. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1902, стр. 10, 11...; стр. I «Поправокъ и дополненій»*),—является въ дѣйствительности достояніемъ не ея—Церкви «христіанской» въ истинномъ смыслѣ слова,—а ея враговъ (припомните современное гоненіе на христіанство въ вышеупомянутыхъ «культурныхъ» странахъ)...)

Къ Церкви «принадлежать всѣ, скончавшиеся въ истинной вѣрѣ и святости»... Христіане, «принадлежащіе къ Церкви», еще «подвизающейся на землѣ.., призываются», между прочимъ, «на помощь Святыхъ, принадлежащихъ къ Церкви небесной»... «Преемство Апостольского служенія сохраняется въ Церкви» чрезъ «церковную іерархію» и пр. (*«Катихиз.»; о «девятомъ членѣ» символа вѣры*).

Графъ Толстой ко всему этому настроенъ по обычаю отрицательно. Онъ относить къ области «страшныхъ обмановъ» церковное ученіе о «святыхъ» и «молитвахъ» къ нимъ,—о «мощахъ» (послѣднее иллюстрируеть богохульной выдумкой о томъ, что «въ Кіевѣ мости» будто бы «набиты соломой»), объ «иконахъ», о «чудотворныхъ иконахъ—казанскихъ, иверскихъ»..., о «выниманіи частицъ», «становленіи свѣчей», «поминаніяхъ», «водосвятіяхъ», «ношеніи крестовъ», о «молитвахъ въ храмахъ», «постахъ» и т. д. (см. *Толстого: «Христ. уч.»*, стр. 77, 78, 79; *«Обращ. къ духов.»*, стр. 34, 35; *«Возстан. ад.»*, стр. 10; *«Что такое религія?»...* Стр. 19. *«Излож. Еванг.»*, стр. 211 и др.; *«Жизнь и уч. Иис.»*, стр. 7...).

При пантеистической точкѣ зрѣнія, не признающей Личнаго Бога, отрицающей личное загробное бытіе...,—при отрицаніи Божества Иисуса Христа...,—разумѣется, понятно неблаговоленіе Толстого къ перечисленнымъ пунктамъ христіанского церковнаго ученія: къ почитанію святыхъ, къ иконамъ, къ молитвамъ, къ «іерархіи» и пр. Другое, конечно, дѣло,—насколько эта точка зрѣнія въ дѣйствительности фальшива,

что, впрочемъ, фактъ, можно сказать, общепризнанный... Все это,—повторяемъ,—еще понятно. Но совсѣмъ ужъ непонятно другое: это—никогда не оставляющее графа (!!) болѣзnenное какое то стремлѣніе къ цинизму, къ богохульству, ко лжи... Подъ вліяніемъ этого печальнѣшаго стремлѣнія Толстой говорить обѣ обманахъ тамъ, гдѣ этихъ обмановъ нѣть и въ поминѣ... По крайней мѣрѣ, не пытается чѣмъ либо, кроме голыхъ и бездоказательныхъ фразъ, подтвердить свои невѣроятныя заявленія, которыя, посему, теряютъ всякое значеніе... Заявленіе же богохульника—Толстого относительно кіевскихъ мощей до такой степени фальшиво, безумно..., до такой степени расходится съ дѣйствительностью, давно проverifiedно и стоящею выше всякихъ пререканій, что о немъ не стоить больше и говорить. Даже и діаволь въ преисподней, при всей его неизъяснимой и безпримѣрной злобѣ, не могъ бы придумать болѣе гнусной клеветы, чѣмъ какую выдумалъ яснополянскій баричъ. «*И бѣсы вѣрутъ, и трепещутъ*» (Іак. II, 19)... А Толстой и не вѣруетъ, и не трепещеть,—напротивъ, въ своемъ безудержномъ богохульствѣ онъ дерзко возстаѣтъ на Самого Бога, на Его святую Церковь, на ея уставы, на ея ученіе...—дерзко возстаѣтъ... и ни тѣни трепета..., даже бравированіе цинизмомъ, безбожiemъ, антихристіанскими чувствами!...

6) Христіанская Церковь учитъ, что «тайство есть священное дѣйствіе, чрезъ которое тайнымъ образомъ дѣйствуетъ на человѣка благодать или, что тоже, спасительная сила Божія»,—и что таинствъ семь... («*Катих.*» «*О десятомъ членѣ*» симв. вѣры). Это ученіе долженъ исповѣдывать каждый христіанинъ, какъ такой.

Совсѣмъ не такъ смотритъ на дѣло графъ Толстой.

«Что для спасенія нужно семь таинствъ»,—обѣ этомъ, по его утвержденію, «въ ученіи Иисуса нѣть ни одного намека» («*Излож. Ев.*»—Толст., стр. 119). Съ Толстымъ могъ бы согласиться, конечно, тотъ, кто «видя не видить» или кто ничего не знаетъ, ничего не читаетъ... Но всякій, рѣшительно всякий только посмѣется надъ его претензіями, кто помнить, напр., Іоанн. III, 5; Матѳ. XXVIII, 19; Мк. XVI, 16; Мѳ. XXVI, 26—28; Іоан. VI, 56, 54; Лук. XXII, 19; Мѳ. XVIII, 18; Іоан. XX, 22, 23 и весьма мног. друг. мѣста изъ св. Евангелій (не говоримъ уже о безчисленныхъ свидѣтельствахъ въ посланіяхъ Апостольскихъ: главныя мѣста

приведены уже въ «Катихизисѣ»)... Толстому не нравится ученіе Церкви о таинствахъ, и онъ высокомѣрно заявляетъ: «вы говорите» (т. е., представители іерархіи), «что совершенствованіе своими силами безъ помощи... таинствъ... есть грѣхъ гордости, что для спасенія своего человѣка долженъ вѣрить не своему разуму, а велѣніямъ церкви»... (*Обращ. къ духов.*, стр. 34)... Не о гордости здѣсь рѣчь въ дѣйствительности, а о невозможности для человѣка, безъ высшей помощи, достичнуть совершенства: всякий, кто хоть немного слѣдилъ за собою и себя анализировалъ, это отлично понимаетъ, что понимали даже и язычники (Овидій...). Ученіе Церкви и въ данномъ случаѣ, и въ другихъ никогда не стоитъ въ противорѣчіи съ требованиями «разума», а наоборотъ—согласно съ ними всегда. Всѣ попытки въ толстовскомъ духѣ неизмѣнно разбивались о совершенно ясное ученіе Церкви, о безподобные толкованія авторитетѣйшихъ свв. отцовъ древне-христианскихъ....

Переходя къ ученію Церкви обѣ отдельныхъ таинствахъ, Толстой вопрошаетъ: «что можетъ быть безнравственнѣе того ужаснаго ученія..., что спасеніе людей отъ грѣха состоить въ томъ, чтобы быть *окрещеннымъ*»... (*Что такое религія?*..) Толст., стр. 19)? Что въ христіанскомъ ученіи о таинствѣ «*крещенія*» графъ видѣть не только безнравственное, а еще сверхъ-безнравственное,—это неизвѣстно никому, а также и ему самому, конечно,—такъ какъ никакихъ обоснованій своего безумія онъ не приводитъ: выругался—и кончено... Чѣдь еще вамъ нужно? Достаточно-де графскаго слова, которому, молъ, вѣрять всѣ жиды или, по крайней мѣрѣ, притворяются вѣрующими... Не вѣря во Св. Духа и въ Его божественную благодать, Толстой, разумѣется, не могъ вѣрить и въ спасительную силу таинствъ... Но говорить о безнравственности, да еще исключительной, онъ не могъ даже и при его безбожной и нелѣпѣйшей точкѣ зренія,—не могъ, т. е., не имѣлъ данныхъ, не имѣлъ права...

Но особенно глумится графъ надъ святѣйшимъ таинствомъ *Евхаристіи*. Кажется, всѣ злые силы ада соединились, чтобы сказать языкомъ яспополянского богохульника возможно болѣе кощунственного, оскорбительного, гнуснѣйшаго...,—и успѣли въ этомъ: всѣ рекорды побиты безусловно... И здѣсь *въ особенности*,—какъ и въ другихъ случаяхъ,—просто противно и потому не хотѣлось бы передавать гнусности толстовскія,—но

такъ какъ *необходимо же показать не-свѣдущимъ*, что за «хри-
стіанинъ» (??!) былъ Толстой, обычно ими—этими господами—
столь исключительно защищаемый...,—то... приходится, скрѣпя
сердце, эти гнусности,—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя хотя бы
изъ нихъ,—констатировать, къ великому сожалѣнію и смущенію душевному...

О Тайной Вечери, на которой было установлено святѣй-
шее таинство Евхаристіи, Толстой пространно повѣствуетъ,
какъ лишь о простомъ «ужинѣ»,—какъ лишь о такомъ фактѣ,
изъ котораго-де нельзѧ вывести того, что сдѣлала Церковь,
и т. д. (*Толст. «Излож. Еванг.»*, стр. 196; срав. стр. 119 и
др.),—при чёмъ по обычай прибавляеть не мало словъ и вы-
раженій изъ своего «художественнаго» лексикона: о безко-
нечно «низкомъ паденіи ученія, называемаго Христовымъ»,—о
церковномъ ученіи, какъ о «чемъ-то» «дикомъ», «чему по-
добнаго нельзѧ найти ни въ какой дикой вѣрѣ», и пр. и пр.
(стр. 196)... Читая все это, удивляется: ужели Толстой не
зналъ хотя бы Мате. XXVI, 26—28,—Іоан. VI, 56. 54,—
Лук. XXII, 19?.. И на какомъ же основаніи онъ позволяетъ
себѣ свои обычныя выходки? И о какомъ и чьемъ «паденіи»
въ дѣйствительности слѣдовало бы говорить,—о чьей нрав-
ственной «дикости»?.. Конечно, только и только о толстов-
скихъ... А между тѣхъ графъ позволяетъ себѣ вести рѣчь воз-
мутительнѣйшую: о св. Евхаристіи, какъ «о нелѣпомъ» (?)
«таинствѣ», про которое Вольтеръ еще говорилъ, что были и
есть всякия нелѣпныя религіозныя ученія, но никогда еще не
было такого, въ которомъ главный религіозный актъ состояль-
бы въ томъ, чтобы єсть своего Бога»... (*Толст. «Что такое
религія?..*, стр. 19). Прежде всего Вольтера слѣдовало бы,
конечно, оставить въ сторонѣ: его глупыя бредни давно уже
сданы въ архивъ на вѣчныя времена,—и ни для кого онъ не
авторитетъ съ его «безсовѣтной лестью и униженіемъ», «са-
молюбіемъ», «страшною трусливостью», съ его «идеаломъ»,
каковымъ были: «блескъ двора, почести, вниманіе женщинъ»,—
съ его «алчностью, мелочностью, злопамятностью», «мститель-
ностью», «способностью на самую низкую ложь»... (см. *«Пра-
восл. Богословск. Энциклопед.»*,—изд. проф. А. П. Лопухина;
т. III; Спб. 1902 г.; проф. С. С. Глаюлева: *«Вольтеръ»*,
colonn. 803—811)... Или Толстой въ лицѣ Вольтера нашелъ
родственную себѣ—«лживую»...—натуру? А затѣмъ вмѣсто
Вольтера почему бы не обратиться за разъясненіями, какія

только возможны въ данномъ случаѣ, хотя бы къ указывае-
мымъ «Православнымъ Катихизисомъ»: «изложенію вѣры Вос-
точныхъ Патріарховъ», св. Іоанну Дамаскину?.. Вѣдь, если
мы для пониманія Апокалипсиса будемъ обращаться къ іг. Морозовымъ,
Святскимъ и Ко,—то едва ли не заберемся въ са-
мую непроходимую глушь нелѣпостей всякаго рода? Христіан-
ство изучать по Вольтеру! Вѣдь можно же додуматься до такого
абсурда! Отчего бы ужъ не по Цельсу, не по Ницше, не по
Горькому?.. Кто хочетъ познакомиться съ прошлымъ русской
исторіи,—тотъ вѣдь всего дальше будетъ сторониться Шишко
и подобныхъ ему невѣждѣ; кто хочетъ понять смыслъ хри-
стіанскаго ученія, тотъ обратится не къ другому кому-либо,
какъ къ свв. Апостоламъ, свв. отцамъ Церкви.... къ лицамъ,
всего ближе стоявшимъ къ Господу и потому всего лучше
понимавшимъ Его ученіе... Къ нимъ, а не къ безбожникамъ
и развратникамъ... Самъ (въ молодости) развратникъ—Тол-
стой и прибѣгаешь въ подобныхъ настоящему случаяхъ за по-
мощью къ такимъ же лицамъ. Не-способный подняться выше
грубаго, материальнаго—онъ и считаетъ, посему, «обманомъ»
ученіе Церкви о «пресуществленіи хлѣба и вина»... (*Толст.*
«Христ. учен.», стр. 78—79),—считаетъ..., не смотря на
противоположнаго характера ясныя свидѣтельства и слова Божія,
и священнаго Преданія... Если человѣкъ въ ослѣплениі
безнадежномъ считаетъ бѣлое чернымъ и наоборотъ, тогда про-
должать съ нимъ разговоры уже излишне. Человѣкъ,—при
слабомъ умѣ, при ограниченномъ и испорченномъ грѣхомъ,—
желающій постигнуть всѣ религіозныя тайны, въ какія можно
только вѣрить,—и все, что не можетъ быть безъ остатка разъ-
яснено разумомъ, считающій за нелѣпое, неудобопрѣемле-
мое...,—проявляетъ такую гордыню, такое самообожаніе..., ко-
торая никогда не позволять ему «унизиться» (!!) до покор-
ности церковному ученію... Такой человѣкъ потерянъ для
Церкви безвозвратно... Гордость сближаетъ его съ Веельзеву-
ломъ скорѣе всего..., съ тѣмъ самымъ, который у него по-
стоянно на устахъ, напр., въ сочин. *«Возстановленіе ада»*,
гдѣ графъ всячески старается, какъ бы пренебрежительнѣе
отозваться о ненавидимомъ имъ святѣйшемъ таинствѣ Евха-
ристіи, смакуя слова: «похлебка», «кусочки хлѣба»... (стр. 10)
и пр. А что онъ въ данномъ случаѣ позволяетъ себѣ въ своемъ
сверхъ-кощунственномъ произведеніи *«Воскресеніе»*...,—невоз-
можно было бы и передать. На старости лѣть этотъ «хри-

стіанинъ» (!!!), отрицающій въ дѣйствительности все христіанское, кажется, уже окончательно потерялъ разумъ...

«Священства», какъ «Таинства, въ которомъ Духъ Святый правильно избранного, чрезъ рукоположеніе Святительское, поставляетъ совершать Таинства и пасти стадо Христово» («Катих.» «О десятомъ членѣ симѣ. в.»), —графъ не признаетъ, увѣряя, вопреки правдѣ (Іоан. XX, 21—23; Лук. XXIV, 50 и др.), что будто бы «въ учениі Іисуса нѣть ни одного намека» на это таинство... (Толст. «Излож. Еванг.», стр. 119)...

«Въ евангеліи», по словамъ Толстого, будто бы «нѣть указанія на бракъ», —а «есть» лишь «отрицаніе его»; «объ учрежденіи брака» тамъ-де «нѣть и помина», —нѣть «ничего, кромѣ нелѣпаго чуда Каны»...; «бракъ есть нехристіанское учрежденіе»; Г. Христосъ «никогда»-де «не учреждалъ брака»... (Толстого «О половомъ вопросѣ». «Мысли, собранныя Влади-міромъ Чертковымъ». Изд. 2-е «Своб. Слова», № 62. А. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England. 1903. Стр. 47). «Церков-ный бракъ» «не имѣеть»-де «въ себѣ ничего христіанскаго»; онъ будто бы «выдуманъ» для «людей не-христіанского духа»... (стр. 27); «въ истинномъ христіанскомъ учениі» будто бы «нѣть никакихъ основаній для учрежденія брака»; «христіан-скаго брака быть не можетъ и никогда не было»... (стр. 11); «Христосъ никогда не устанавливалъ брака» стр. (10)... «Ду-ховенство» «совершаетъ» «за деньги церемонію» только (не больше!), «называемую... бракомъ» (стр. 11)... «Христосъ» (см. Т. «Крейцерова соната») «не только никогда не уста-навливалъ брака..., но скорѣе отрицалъ его» (стр. 114); «хри-стіанскаго брака быть не можетъ и никогда не было» (стр. 115; ср. выше—стр. 11 изъ соч. Т. «О пол. вопр.»); «такъ» будто бы «и понималось это всегда христіанами первыхъ и послѣ-дующихъ вѣковъ» («Крейц. сон.», стр. 115)... «Настоящій бракъ», по словамъ графа, «состоитъ» у христіанъ «въ томъ, чтобы нарядиться въ самыя лучшія платья, пойти въ большое, устроенное для этого» (?!), «здание и тамъ, надѣвші на головы особенные, приготовленные для этого, шапки, подъ звуки раз-ныхъ пѣсенъ» (?) «обойти три раза вокругъ столика»... (Возстан. ада», стр. 11; ср. стр. 12). А «если»-де людямъ «покажутся стѣснительными... требованія, связанныя съ цер-ковнымъ бракомъ, то они устраиваютъ такъ, что совершается второе хожденіе вокругъ столика, первое же считается не-дѣйствительнымъ» (стр. 12)... «Когда кажутся» людямъ «стѣс-

нительными нѣкоторыя требованія закона и обычая церковного брака», то «мужья и жены убиваютъ другъ друга»..., и вообще «очень большое количество убийствъ даетъ намъ учение о христіанскомъ бракѣ»... (стр. 16) и т. д.

Впрочемъ, довольно извлечений изъ толстовскихъ сочинений! Сколько, однако, непростительного вздора наговорено громъ и въ данномъ случаѣ?

Если кто заглянуль бы въ Еванг. Мѳ. XIX, 4—6,—затѣмъ—въ посл. св. Ап. Павла: къ Ефес. V, 31. 32; 1 Кор. VI, 16; VII, 39...,—далѣе—въ творенія, напр., св. Игнатія Богоносца (говорящаго о «бракѣ о Господѣ» и «съ вѣдома епископа»), Клиmenta Александрийскаго (говорящаго объ «освященіи брака словомъ Божіимъ и молитвою»), св. Григорія Богослова (по словамъ коего въ бракѣ «сочетаваются юныя руки рукою Бога») и мног. друг. (см. всѣ эти и подобныя имъ выдержки, напр., у о. Н. П. Малиновскаго: «Правосл. Догматическое Богословіе»; IV т., Серг. Пос. 1909 г. 379—383),—то такой человѣкъ во-очию увидѣль бы, что, вопреки увѣреніямъ Толстого, бракъ—«христіанское учрежденіе», ведущее начало отъ Самого Иисуса Христа,—что таковыми онъ признавался уже «въ первые и послѣдующіе вѣка» христіанской эры (ср. у проф. А. Л. Катанскаго въ сочин. «Догматическое учение о семи церковныхъ таинствахъ въ твореніяхъ древнѣйшихъ отцовъ и учителей Церкви»...; Спб. 1877 г.)... Относительно «нелѣпаго чуда Каны» слѣдуетъ замѣтить, что нелѣпость заключается только въ головѣ графа. Господь, по словамъ св. Григорія Богослова, «чудодѣйствуетъ на бракѣ и Своимъ присутствиемъ доставляетъ честь супружеству» (у о. Н. П. Малинов.. стр. 380). Подобно «жителямъ Каны»,—говорить св. И. Златоустъ,—«пусть вступающіе въ бракѣ имѣютъ среди себя Христа» (*ibid.*). «Въ посвѣщеніи Иисусомъ Христомъ брака въ Канѣ» многіе отцы и учители христіанскіе («св. Кириллъ Александр., св. Епифаній, бл. Августинъ»...) «видѣли начало благословенію Имъ брака христіанскаго» (стр. 385),—благословенію, особенно энергично подтвержденному, конечно, чудомъ...

Не во вѣшней «церемоніи» (?)—только дѣло, не въ платьяхъ, «шапкахъ» (это «вѣнцы»-то!), не въ хожденіи только кругомъ «столика» (!!)... А «пѣсенъ» Вашихъ, графъ, при вѣнчаніи не поютъ... Дѣло главнѣйшимъ образомъ въ «благодати», «испрашиваемой» брачущимся... «къ благословенному

рожденію и христіанскому воспитанію дѣтей» («*Катих.*» «*O десятомъ членѣ»...). «Вѣнчаніе»-же... — это — лишь «видимый покровъ или образъ, подъ коимъ сообщается сочетавающимся невидимая благодать Св. Духа, освящающая ихъ брачный союзъ» (у о. Н. П. Малин. стр. 387)...*

Разводъ въ христіанской Церкви разрѣшается вовсе не такъ просто и не такъ лекомысленно, какъ это представляется графомъ, — а лишь въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ (Мате. V, 32. XIX, 9), да и здѣсь предварительно совѣтуется Церковю испробовать всѣ средства, чтобы избѣжать столь печального конца (см. мою цитов. статью: «*Kъ вопросу объ условіяхъ... жизни хр. семьи*», стр. 535—536)... «Убийства» и пр. въ данномъ случаѣ происходятъ по мѣрѣ ослабленія лишь христіанского вліянія на супруговъ..., а не наоборотъ..., — и на христіанскую Церковь здѣсь укоризненно кивать, г. графъ, стыдно, гнусно...

Достаточно, думаемъ, знакомить съ толстовскими взглядами на церковныя таинства! Дѣло очень ясно уже...

7) Христіанство учить о будущемъ «воскресеніи мертвыхъ» (11-й членъ симв. вѣры) и о «жизни будущаго вѣка» (12-й членъ), — вѣчной.

Толстой отвергаетъ это ученіе, увѣренный въ томъ, что и сами представители Церкви будто бы «не вѣрять» ни «въ воскресеніе мертвыхъ», ни «въ адъ» (Толст. «Обращ. къ духов.», стр. 43). «Церковное представление о раѣ и адѣ», по словамъ графа, «несовмѣстимо» будто бы «съ понятіемъ о Богѣ любви» (Толст. «Христ уч.», стр. 132). Это ученіе, «признающее Бога карающимъ людей вѣчными мученіями», есть-де, посему, «низменно, жестоко»... (стр. 3) (особ. чит. Толстого «*Критику Догматического Богословія*»)... Самое состояніе человѣка за гробомъ Толстой понимаетъ пантегистически («Хр. уч.», стр. 131—133)...

Какъ видите, человѣку мало того, что самъ онъ не вѣрить ни въ рай, ни въ адъ, — нѣть, судя о другихъ по своей выцвѣтшей и пустой душѣ, онъ хочетъ убѣдить, что и другие не вѣрять ни въ тотъ, ни въ другой. Куда ужъ ему читать въ чужихъ душахъ, когда, видимо, и своей-то онъ хорошенъко не — знаетъ, противорѣча себѣ на каждомъ шагу (образчикъ изъ числа множества примѣровъ представленъ выше)¹⁾ и, при томъ, въ самыхъ принципіальныхъ вопросахъ...

¹⁾ Или еще примѣръ: Толстой всячески возставалъ противъ „собственности“, какъ явленія не-христіанского, какъ „корня зла“ и пр.

Обвиненіе христіанскаго ученія въ «низменности», «жестокости»..., «несовмѣстимость» «церковнаго представлениія о раѣ и адѣ съ понятіемъ о Богѣ любви»...—всѣ эти «жупелы» являются таковыми только въ головѣ Толстого и въ другихъ, ей подобныхъ,—но нигдѣ больше. Въ «раѣ» и «адѣ», въ «мученіяхъ» виновны только сами же люди, но не Богъ (Который есть не одна лишь «любовь», но и «правда»), не церковное ученіе, знающее: Мате. XXV, 46; ср. Иоанн. V, 29; ср. Дан. XII, 2. Евангельское слово, передающее рѣчи Господни, слишкомъ ясно, слишкомъ опредѣленно...—и ничьи попытки извратить его, какъ-либо по своему перетолковать (хотя бы и сотни Толстыхъ со всѣми «Юліанами» и «Геккелями»...) успѣха имѣть не будуть. И если ни у кого не хватитъ дерзости (кромѣ безбожниковъ) обвинить Евангельское ученіе въ «жестокости, низменности»,—то, посему, никто не рѣшится обвинить въ томъ же и ученіе церковное, какъ точно слѣдующее св. Евангелію,—точно..., безъ малѣйшихъ отступлений... Если Господь сказалъ, что грѣшники «пойдутъ въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную» (Мо. loc. cit.),—то о чемъ же еще здѣсь говорить?.. «Рай», «адъ»?.. Да кто же ихъ создаетъ? Не мы ли сами и не только ли мы одни?

Каждый человѣкъ своимъ поведеніемъ создаетъ себѣ извѣстную нравственную физіономію. Если онъ ведеть нравственно-добрую жизнь, то *блаженны* уже *въ своемъ дѣйствованіи* (Іак. I, 25),— уже владѣеть *царствіемъ Божіимъ*, состоящимъ въ *праведности и мирѣ и радости во Святомъ Духѣ* (Римл. XIV, 17),—не приходящимъ отъ инуду внѣшнимъ образомъ, но созидаемымъ самимъ же человѣкомъ и находящимся *внутри его* (Лук. XVII, 20—21). Въ загробной жизни будетъ *только* дальнѣйшее развитіе и проявленіе этого

(чит. Толст.: „Письмо къ Н. Н.“, стр. 12; „Христ. учен.“, стр. 46; „Къ рабочему народу“,—изд. „Своб. Слова“, № 78,—A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England, 1902; „Такъ что-же намъ дѣлать“,—изд. Герцика; цит. I т., Спб. 1906; особ. стр. 255; „Крейц. Сон.“, стр. 115; „Неужели это такъ надо“, изд. „Своб. Слова“, № 45; A. Tchertkoff, Christchurch, Hants, England, 1901, стр. 17; „Излож. Ев.“, стр. 160 и т. д. и т. д.)... А самъ оставилъ завѣщеніе, надѣлавшее и еще дѣлающее столько зла и хлопотъ!!! И такъ—на каждомъ шагу! Предоставить право печатанія своихъ сочиненій, напр., вся кому и въ то же время продавать „Воскресеніе“ за очень высокую цѣну, отказаться отъ имѣнія и въ то же время жить въ немъ и пользоваться всѣми благами....—все это и подобное было въ порядке вещей у Толстого...

внутренняго богатства человѣка. Если человѣческая воля, сложившись въ здѣшней жизни въ нравственно-добромъ направлениі, овладеТЬ царствіемъ Божіимъ, насколько это нынѣ возможно, то вполнѣ естественно, даже вполнѣ необходимо предположить, что въ загробной жизни она будетъ продолжать развиваться въ томъ же направлениі до безконечности и потому именно, что тамъ не окажется никакихъ причинъ, которыя отклонили бы ее въ сторону отъ взятаго ею направлениЯ. Слѣдовательно, дѣло обстоитъ такимъ образомъ. Рай, такъ смущающій Толстого, отчасти составляетъ достояніе нравственно-прекраснаго человѣка уже здѣсь—на землѣ,—по крайней мѣрѣ, въ начальной стадіи его,—и было бы крайне странно и непостѣдовательно предполагать, что рай будущей жизни не есть вполнѣ и даже единственno естественное продолженіе земного, понимаемаго въ указанномъ смыслѣ. Что относится къ раю, тоже приложимо и къ адѣ. Человѣкъ, въ здѣшней жизни постоянно проявляющій себя въ направленіи нравственно-дурномъ, создаетъ внутри себя прочное злое настроеніе, прочно-злую волю или,—что собственно тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ,—адъ, сопряженный съ мученіями и терзаніями совѣсти. Естественнымъ и неизбѣжнымъ продолженіемъ земного ада является адъ будущей жизни, какъ имѣющій состоять прежде всего въ дальнѣйшемъ развитіи того нравственно-порочнаго настроенія человѣческой воли, какое пріобрѣтено ею здѣсь. И если на землѣ поворотъ окрешишаго нравственно-порочнаго направленія въ противоположную сторону, безъ вмѣшательства въ дѣло чего-либо очень необыкновеннаго, психологически невозможенъ, то эта невозможность естественно останется таковою же и въ жизни загробной... Словомъ, рай и адъ, прежде всего, не есть что-либо извѣнѣ привходящее въ человѣка, не есть что-либо, даруемое ему только и только со стороны, но преимущественно и главнѣйшимъ образомъ создаются самимъ же человѣкомъ. Самъ же послѣдній прежде всего обусловливаетъ и продолжаемость того и другого до безконечности, помимо вмѣшательства въ это дѣло какой-либо чужой, посторонней силы... (см. мою статью: «*Можно ли и нужно ли адогматизировать христіансскую этику?*» *«Миссіон. Обозр.*», 1903 г., юль, № 11, стр. 28—29).

Пантеистическая толстовская точка зреїнія совершенно чужда христіанской — теистической и не могла привести графа

ни къ чему другому, кромъ безконечной путаницы (ср. Т. «Хр. уч.», стр. 131—133).

Считаемъ достаточными для существа дѣла тѣ выдержки изъ толстовскихъ сочиненій, какія нами сдѣланы выше, хотя ихъ можно было бы привести въ безконечно большемъ еще количествѣ: столь обильный материалъ для нашихъ цѣлей предлагаются графскія произведенія, особенно еслибы мы захотѣли дать выписки изъ всѣхъ, лежащихъ предъ нами, религіозно-нравственныхъ «твореній» яснополянского богохульника. Предложенныя нами данныя, документальность коихъ не можетъ подлежать никакимъ сомнѣніямъ, слишкомъ краснорѣчивы и слишкомъ полны, чтобы у кого-либо могли еще оставаться какія-либо недоумѣнія, сомнѣнія... Насъ просили выяснить: другъ ли Христовъ Толстой, истинный ли христіанинъ? Не антихристъ ли, не врагъ ли Господень графъ? Вотъ что требовалось отъ насъ раскрыть. И вышеприведенныя данныя безусловно отчетливо отвѣчаютъ на вопросъ. Здѣсь намъ не требовалось входить въ разсмотрѣніе другихъ подробностей толстовской доктрины, обнаруживающихъ невѣрное пониманіе графомъ христіанского ученія (напр., пресловутыхъ толстовскихъ «пяти заповѣдей» и толстовскаго «непротивленія злу»,— толстовскихъ анархическихъ принциповъ и пр.)¹⁾, но не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ нашей задачѣ и дающихъ, при томъ, поводы къ различному ихъ пониманію (а отъ насъ требовалось освѣтить дѣло лишь ссылками на ясныя и не возбуждающія недоумѣній мѣста изъ толстовскихъ книгъ и книжекъ).

Въ частности, изъ сочиненій самого графа Л. Толстого мы видѣли (выше) непререкаемо ясно, что онъ *отвергалъ въ хри-*

¹⁾ Притомъ, эти пункты давно уже обстоятельно разобраны въ солидныхъ трудахъ: проф. А. Ф. Гусева „О сущности религіозно-нравственного ученія Л. Толстого“, 2-е изд., Каз., 1902 г. (и въ другихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ того же автора), — проф. К. Григорьевъ „Христіанство въ его отношеніи къ государству по воззрѣнію гр. Л. Толстого. Полемико-аполоgetическое изслѣдованіе“, Каз., 1904 г...., — а также въ многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ (мои, напр., нѣкоторыя статьи указаны въ „Хр. Чт.“: 1912 г., февр., стр. 156). Литература о Толстомъ необозрима: въ 1903 г. Ю. Битовта издалъ „библиографический“ ея „указатель“, занявший 375 страницъ! А сколько написано съ тѣхъ поръ? У Битовта (не отличающагося, однако, исчерпывающей дѣло полнотой) указано не мало противо-толстовскихъ недурныхъ сочиненій и статей.

стіанство все существенное,—все, что только дѣлаетъ христіанство христіанствомъ. Какъ Божій день, ясно, что графъ Толстой христіаниномъ не былъ. Если никого изъ христіанъ, исповѣдующихъ христіанское ученіе, нельзя назвать, напр., буддистомъ или магометаниномъ, то въ такой же степени нельзя назвать и Толстого христіаниномъ, какъ отрицающаго всѣ христіанскіе принципы, какъ таковые. Мало того, впрочемъ, что Толстой не былъ христіаниномъ (или, считаясь таковыимъ иѣкогда, послѣ пересталъ быть даже и такимъ),—онъ былъ ярымъ врагомъ Христа и Его Церкви, глумясь и всячески издѣваваясь и надъ Господомъ нашимъ, и надъ святою Церковью, надъ ея установленіями, представителями и пр. Выше было приведено не мало доказательствъ изъ толстовскихъ произведеній. Если кого можно назвать *антихристомъ*—противникомъ Христа, врагомъ Его, то Толстого не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ кого бы то ни было другого (напр.. Ницше, Геккеля, соціалистовъ: какого-нибудь Дитцгена, Бебеля и т. д.),—а пожалуй—и въ болѣшой, если принять во вниманіе ту безумную ярость, съ какою онъ нападаетъ на христіанство, то безпримѣрное кощунство, наглое богохульство, небывалый цинизмъ, какіе онъ на каждомъ шагу спокойно (!!?) обнаруживаетъ...

Нѣть, не другъ Христовъ Толстой, а врагъ, антихристъ. Это—безусловная истина!

Тѣ лица, которыя утверждаютъ иное (получившия иногда не только одно «свѣтское», но, къ удивленію, и «богословское» образованіе и *наивно* спрашивающія: «*Толстой умеръ. Сѣ кѣмъ мы теперь останемся?*»... Скажите, пожалуйста!!!),—такъ поступаютъ,—такъ могутъ, по крайней мѣрѣ, поступать: или по невѣжеству (не знаютъ нерѣдко не только христіанства, но и толстовства, за которое распинаются своими «умными» головами), или по недобросовѣстности (слѣдя іезуитскому отвратительному принципу, они, вопреки очевидной истинѣ, готовы счесть Толстого не только христіаниномъ, но даже «усовершенствованнымъ Христомъ», чтобы уязвить Церковь и пр.). *Tertium non datur!*

А разъ Толстой—врагъ Христа и Его святой Церкви,—ясно, что къ послѣдней онъ не принадлежалъ, и ясно, что Св. Синодъ, отлучивъ его отъ общенія съ Церковью, ничего больше не сдѣлалъ, какъ *только констатировалъ голую дѣйствительность, голый фактъ—не болѣе...* И намъ всѣмъ пора

перестать заигрывать передъ толстовцами, пора говорить *ту же* правду объ яснополянскомъ богохульнике и циникѣ предъ всѣми, никого и ничего не стыдясь и не боясь...

И если къ Толстому оказались приложими слова пророка объ «ослиномъ погребені», направленныя къ Іоакиму, царю Іудейскому (Перем. XXII, 18 — 19), —то въ этомъ виновенъ *только* самъ графъ, —только онъ *одинъ*, —виновенъ безусловно..., —а кромѣ него — *никто!* На христіанское погребеніе имѣеть право разсчитывать, конечно, лишь христіанинъ, а не язычникъ... Толстой же въ своимъ отношеніяхъ къ Гисусу Христу и христіанству былъ хуже всякаго язычника... Даже и злѣйшіе язычники остановились-бы передъ толстовскими богохульствами и цинизмомъ...

Да! Вотъ она—правда!

Профессоръ А. Бронзовъ.

5 февр. 1912 г.